

Юлия Рябинина

Цена измены. Я не вернусь

«Литнет»

2021

Рябинина Ю.

Цена измены. Я не вернусь / Ю. Рябинина — «Литнет», 2021

Лучшая подруга... Ее смех в нашей с мужем спальне? Делаю несколько шагов вперёд. Толкаю дверь... И меня будто молнией прошибает от макушки до пят. Картина выбивает воздух из легких. Так больно, что невозможно дышать. Они голые. Обнимаются, целуются лежа на нашем раскладном диване. — Ася! — муж подскакивает и пытается прикрыться, — а... ты... почему так рано? Черт! — Хотела сделать сюрприз, — отвечаю подавленно, сжимая в кулаке тест на беременность с двумя красными полосками. Комментарии отключаю из-за всевозможных спойлеров. Прошу отнестись с пониманием :-) ♥♥#Вышла новинка: Измена.Вторая жена Ищим у автора в профиле.

© Рябинина Ю., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

– А кто у нас тут такой маленький, хорошенький?!

Голос мужа, доносящийся из гостиной, застал меня в дверях врасплох. Я замерла.

Неужели он видел меня в окно? Да не может этого быть! Он не ждет меня. По идее, я завтра только должна приехать.

В голове прокручиваются мысли одна за одной, а в груди начинает пульсировать ком тревожного предчувствия. Того, что мне вряд ли понравится.

Тихо прикрываю входную дверь. *Не на замок.* И делаю шаг в темный коридор, на ходу спотыкаясь об обувь. Сердце начинает биться быстрее.

Горы разбросанной обуви – это не про моего Вадима. Он аккуратист до мозга костей и, еще ни разу за семь лет нашей жизни в браке, я не помню, чтобы на проходе валялась обувь. .

– А мой пупсик сегодня не пойдет на работу?

Снова доносится игривый голос мужа до моих ушей.

– Вадя, а-ха-ха, Вадя прекрати, мне щекотно!

Звонко. Громко. Звучит смех Алисы и меня словно молнией бьет в макушку. Пронизывая позвоночник одним точным, сокрушительным ударом. В голове наконец-то начинает складываться картинка.

Алиса, моя лучшая подруга. Неотъемлемая часть нашей семьи. Она как сестра мне: и в беде, и в радостях – мы всегда вместе. Всегда успокоит. Всегда поможет. Всегда поддержит. Но почему она здесь сейчас, когда меня нет дома?

Может она помогала Вадике? Я ее просила приглядывать за ним, но не переусердствовать с этим. Подружка была на шестом месяце беременности, собиралась воспитывать ребенка одна, без мужа.. Ей тридцать три и на вопросы, касающиеся отца ребенка, отвечала всегда коротко, строго:

– Ась, ну что ты как маленькая? Зачем мне мужик нужен? Мне нужен ребенок, а мужиков я содержать не собираюсь, а они... вряд ли потянут меня и смогут удовлетворить мои запросы.

У Алисы был небольшой, но прибыльный бизнес. Муж у Алисы погиб, как раз в тот момент, когда бизнес пошел в гору. И теперь Лиска была завидной невестой, богатой вдовой, только до недавнего времени бездетной.

– Лис, а на УЗИ точно верно определили пол? Будет мальчик?

Голос мужа становится вкрадчивым, заискивающим.

Я делаю несколько тихих шагов и оказываюсь прямо в дверях гостиной.

Боже! Будто удар под дых выбивает из легких весь воздух. Я подношу руку ко рту, чтобы сдержать эмоции от того, что увидела.

Вадик с Лиской лежат на нашем раскладном диване, застеленном нашими простынями.

У Вадика в руках перо павлина, *которое нам Алиса привезла из Дубая и подарила в качестве сувенира.*

Муж водит его кончиком по выпирающему животу подруги, и смотрит на нее при этом так, как никогда не смотрел на меня. Он влюблен. А подруга, прикрыв веки, перебирает пальцами его каштановые волосы, томно улыбается.

– Что тут происходит?

Тупее вопроса я не могла придумать. Но и стоять больше молча тоже не могла. Не было сил. Меня всю трясло. Меня разрывало от гнева. Что же это получается?! Алиса беременна от моего Вадика?

Парочка мгновенно подбирается. Алиска растеряннo хлопает глазами. Вадик же, не растерявшись, накидывает на нее покрывало, а сам встает, обматываясь простыней.

– Ася, ты чего так рано?

Его голос ровный, холодный. Вадик такой спокойный, как будто я застала их с Алиской не в постели, а за игрой в шашки.

– Действительно рано, – срывающимся голосом отвечаю я, не сводя глаз с Алисы.

– Ась, – подруга тянет к подбородку простынь.

– Как ты могла?

Бросаю на нее укоризненный взгляд.

Уже через секунду наш зрительный контакт прерывает обнаженный торс Вадика.

– Ась, пойдем. Надо поговорить, – муж бережно и очень аккуратно подталкивает меня в сторону кухни.

У меня внутри все горит от ярости и я чувствую себя драконом. Пасть только нужно открыть, чтобы оттуда вырвался огонь.

Только вот внешне это никак не проявляется. Я настолько холодна, что меня саму от себя морозит. Каждый волосок на теле наэлектризован и вздыблен, как иголки у ежика.

Напряжение, повисшее в воздухе, выходит за грани моего понимания. Когда мы оказываемся на кухне, муж закрывает плотно дверь и поворачивается ко мне лицом.

– Ась, я не хотел чтобы так получилось...

– Как так?

Смотрю на мужа, пытаюсь разглядеть в его глазах чувства вины, сожаления, но... черт возьми! Их там нет. Это меня обескураживает.

Значит, эта его измена — не интрижка и не случайность, а вполне себе осознанный шаг?

– Чтобы ты вот так все узнала. Я хотел тебе сказать...

– Когда, Вадь?

Меня всю рвет изнутри. Каждая клеточка, каждый нервный волосок, надрываясь, лопается, принося мне мучительно медленно неимоверную боль. Но почему-то внешне это не проявляется. Меня словно переключило. Все эмоции и чувства сошли на нет.

– Не знаю? Но точно не сейчас, – повторяется, делает шаг ко мне, я же отступаю.

– Как давно ты с ней мутишь? Как давно она тебя к себе уложила в постель?

Спрашиваю скупое, без эмоций, глядя сквозь мужа на дверь.

– Недавно...

– Давно, – одновременно с мужем звучит голос подруги.

Вадик вздрогнул, как будто от удара, ссутулил плечи.

– Алиса, выйди. Я хочу поговорить с женой наедине, – пробасил он.

Но подруга, не обращая на его просьбу внимания, проследовала мимо него и встала между нами, презрительно посмотрев на меня.

– Ась, ну ты не обижайся на нас. Ну, бывает так, понимаешь. Ну, влюбились как подростки, что тут такого?! Ломать свои жизни из-за чувства вины? – пафосно произносит подруга.

– Конечно нет. Достаточно того, что за моей спиной ты крутишь интрижку и выставяешь меня идиоткой, – невесело хмыкаю ей в ответ

Руки так и чешутся, чтобы вцепиться этой дряни в ее нарощенные патлы и выдрать искусственные косы к чертовой матери.

– Ой, Ась, давай без иронии, я тебя знаю очень хорошо. И знаю, что вся твоя обида пройдет уже через пару недель. И ты меня знаешь, – улыбается Лиска и тянется к мужу. Тот же, чувствуя неловкость, отступает, избегая ее прикосновений.
Морщусь. Вот он - мой, а точнее, уже и не мой вовсе, Вадим. Наломал дров и в сторонку.

– Да нет, тут ты ошибаешься, подруга, – делаю акцент на последнем слове. – Я не знала, что ты способна на такую подлость.

– Ну, причем тут подлость, Ась? Вадь, ну скажи ей, – дует Лиска губы.

– Ась, только давай без истерик, Алисе волноваться нельзя. У нее срок большой, – вступается за стерву муж.

– Хм, – слетает горько с моих губ. – Ну что ж, поздравляю вас. Мне сказать больше нечего.

Отталкиваю их и пулей вылетаю в коридор. Энергетика, которая шла от них, стала настолько невыносимой, что мне вдруг стало дурно с ними находиться.

Прямо в обуви захожу в нашу спальню, закрываю дверь на замок. Сердце в груди бьется, как сумасшедшее. Боль, пульсируя в висках, застревает комом в горле. Не могу его проглотить. Слезы отчаяния подступают к глазам.

– Только не перед ними, только не здесь, – смахиваю в нетерпении влагу.

Обвожу беглым взглядом спальню: мозг лихорадочно соображает что нужно забрать. Здесь я не останусь ни на секунду. Первое, что приходит на ум – это шкатулка с деньгами: в нее мы откладывали с Вадиком деньги на досрочное погашение ипотеки. Достая шкатулку, открываю ее – она пустая.

– Что?! – во рту мгновенно пересыхает. – Как?!

Проговариваю вопросы вслух, не ожидая, что мне на них кто-то ответит.

Из глаз тут же хлынули слезы, заливая мои щеки и шею.

Как он мог взять их? Ведь здесь было почти полтора миллиона рублей. Это были те деньги, которые заработала Я.

Со злостью бросаю пустую шкатулку в стену и, круто развернувшись на пятках, широким шагом подхожу к двери, щелкаю замком и рывком открываю ее.

Застываю на месте. Вадим стоит напротив двери. Сложив руки на груди, смотрит пустым взглядом на меня. В нем совершенно нет той нежности и влюбленности, которую я видела по отношению к Алисе.

– Где деньги, Вадим? – дрожащим от возмущения голосом спрашиваю.

– Их больше нет, – скупно отвечает муж.

– Что значит “их больше нет”?

Дрожа от ярости, накидываюсь на него.

– Там было полтора миллиона, Вадим! Куда можно было потратить столько за шесть дней?

Бью его в грудь, не сдерживая эмоций. Это было выше моих сил. Он... как он посмел! Трогать то, что я заработала потом и кровью. Да из-за этих чертовых денег мы постоянно откладывали рождение ребенка, боялись, что не сможем потянуть и ипотеку, и ребенка, о котором я так мечтала. А теперь! Теперь он просто взял и потратил их?

Муж перехватывает мои запястья, отводит в сторону.

– Я их не потратил, – раздраженно цедит сквозь зубы, – прекращай истерить.

Холодный взгляд и безразличие в голосе действуют на меня, как ушат холодной воды.

– Ась, эти деньги Вадим занял мне, – неожиданно за спиной раздается голос Алисы, про которую я совершенно забыла. Так была обескуражена пропажей денег.

– Тебе? Зачем? У тебя своих нет? Разве ты не знаешь, что эти деньги мы откладывали с Вадиком на ипотеку!? – мой голос звенит.

Я чувствую, что купол, под которым были мои запрятанные эмоции, трескается, и вот-вот разлетится на мелкие острые кусочки.

– Ась, ну правда, что ты кричишь? Я же сказала — отдам. И какая тебе разница зачем мне деньги. Это не твое дело, – дерзко отвечает подруга, а потом вдруг обращается к моему мужу. – Вадик, раз теперь Ася все знает, давай собирайся. Пойдем жить ко мне. Ты же не против, Ась?

Подруга смотрит на меня выжидающе, хлопая огромными ресницами.

Я окидываю ее с головы до ног одним долгим, пронзительным взглядом. Алиска даже в положении выглядит в отличие от меня очень классно. Красивая, эффектная брюнетка, с

черными, как ночь, длинными волосами и голубыми глазами. Точенные черты лица выигрышно смотрятся вкупе со стройным телом.

Конечно, на ее фоне я проигрываю. Я похожа на бледную моль, невзрачного серого мышонка, у которого за плечами кроме как огромного долга и *любящего*, теперь уже в скобках, мужа, ничего не было.

– Я!? Не против?! – горестная ухмылка растягивает мои губы. – Да я проклиная тот день, Алис, когда познакомилась с тобой!

– Ты дура, да? – взвизгнула подруга. – Вадик, ты слышишь что она говорит? Она проклинает меня. Больная ты, Аська, что ли?

– Так, все, хватит! – активизировался мой пока еще муж и, отодвинув меня в сторону, подошел к Алисе: – Ты иди, Лис, я с ней поговорю и поднимусь к тебе, – произнес ласково и нежно.

– Глупая, я не думала, что ты на такое способна! – продолжает Алиса истерику.

– Алиса?!

Вадиму приходится применить силу, чтобы выставить подругу за дверь:

– Ась, если любишь его: отпусти по-хорошему. Потому что ты - пустышка, а я жду от него ребенка. Ты же не хочешь, чтобы ребенок Вадика рос без отца?! И вообще, он больше не любит тебя, да и никогда не любил...

Последние слова тонут в глухом эхе за дверью в подъезде, за которой скрылся муж и подруга, уже бывшая, наверно.

В квартире вдруг наступила оглушающая тишина, дезориентирующая меня в пространстве. Припадаю к стене спиной и медленно спускаюсь на пол. Поджимаю к подбородку колени, зарываюсь в них лицом, громко всхлипываю.

Пустышка? Больше не любит и никогда не любил? Все семь лет... не любил?

– Ась.

Вздрагиваю, когда на мои лопатки ложится ладонь мужа.

– Уходи.

Произношу это, не поднимая на мужа глаз.

– Ась, нам нужно поговорить. Все обсудить, – настойчиво произносит он.

– П.О.Ш.Ё.Л ВОН! Иди разговаривай с ней. Ты же ее любишь?! А со мной тебе нечего обсуждать!

Я подрываюсь с места. Полная обиды и ярости, толкаю его в грудь и, подхватив сумку с пола и сдернув куртку с вешалки, подхожу к двери. Поворачиваюсь к Вадиму, смотрю ему в глаза.

– Я с тобой развожусь, Вадим, – он, опешив от моих слов, стоит с растерянным видом.

Я же, толкнув дверь, вылетаю в подъезд и нос к носу сталкиваюсь с Алисой.

– Дрянь, – выплевываю ей в лицо. – Желаю вам счастья! Смотри только не подавись им.

Круто развернувшись, не дожидаясь лифта, сбегая по ступенькам вниз.

Сердце отчаянно бьется в груди. Мозги плавятся от той информации, которую они только что получили. Меня штормит. Что мне делать? Куда идти?

Ведь у меня, кроме Алисы и Вадима, никого в этом городе нет.

Хотя я знаю, кто мне может помочь.

Трясущимися пальцами забиваю адрес в приложении такси, нажимаю вызвать.

Надеюсь, там, куда я собираюсь поехать, мне не откажут помочь.

Мои хорошие, хочу пригласить вас в свою новинку

Белоснежка для мажора
Можно пройти по ссылке ниже!
<https://litnet.com/shrt/IjjH>

Аннотация к книге "Белоснежка для мажора"

— Боишься меня? — тянет он.
 И его кончики пальцев мягко скользят между лопаток. Сверху вниз. Я даже через ткань чувствую, как подушечки пальцев касаются каждого звена позвоночника, вызывая в нем обратный импульс. Следом за его движением по позвоночнику бежит ток.
 Я невольно дергаюсь, когда его ладонь ложится на поясницу и он не грубо, но без вариантов прижимает меня к себе.
 Он возбужден - это плохо. Очень плохо для меня закончилось в прошлый раз.
 — Нет, — нагло вру, но его не обмануть.
 — А зря, Марина, я соскучился, — уголок его рта нагло дергается вверх и я гулко сглатываю слюну. Она вязко катится по пищеводу, а следом падает в желудок, эхом отдаваясь вибрацией по всему телу. Покрывая кожу мурашками. Заставляя каждый волосок нахохлиться.
 — Отпусти, — голос выходит умоляющим, но мне плевать, это не важно. Важно сейчас одно, заполучить свободу любыми способами.
 — Хватит, Марин, второй раз у тебя соскочить не получится.
 Он тянет меня на себя. И я вдруг ощущаю как страх наливается во мне дикой волной непонятно откуда взявшегося желания.
 Этого не может быть?! Почему? Ведь я выращивала в себя лютую ненависть к этому мажору целый месяц. Мне удалось сбежать от него, но он... Он нашел меня. И теперь я боюсь представить, что он со мной сделает...

##Горячо и эмоционально

##Борьба характеров

##Мажоры

##ХЭ

##18+

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку, чтобы не потеряться! ##

Глава 2

Не знаю почему, к Светлане, моей начальнице и по совместительству близкой приятельнице, я отправилась без предварительного звонка.

Боялась, что откажет. Света всегда казалась мне очень занятой, поэтому я не искала лишней раз с ней общения. Откликалась тогда, когда она сама выходила на связь. Но почему-то сейчас, я почувствовала неимоверную тягу пообщаться именно с ней. Мне необходимо было почувствовать рядом с собой сильную, успешную женщину, каковой и являлась Светлана. Всегда жесткая и категоричная с конкурентами, с нами же, своими подчиненными, она была терпеливой и мягкой. Ни разу не слышала, чтобы в нашем женском коллективе про нее говорили гадости. Невероятный человек. Правда, ее личная жизнь как-то не задалась. Дочку почему-то воспитывала она одна: все удивлялись и гадали почему у такой красавицы и умницы нет мужчины?!

В одно мгновение вся ситуация начальницы проецируется на меня. Может потому и нет?! Что ее муж вот так же, как и мой Вадик, гульнул налево, а она, будучи беременной, ушла от него? Не смогла простить и смириться?!

Горечь обожгла гортань и в глазах снова защипало. Черт бы побрал моего мужа! Что теперь всякий раз, когда буду я думать о нем, из моих глаз будет литься Ниагарский водопад? Не хочу. Он не достоин! Я о нем не то что думать — вспоминать не хочу.

Сердце, нещадно надрываясь, грохочет в груди. Но я, сжав волю в кулак, не позволяю эмоциям взять над собой верх. В противном случае я боюсь, что ревность и отчаяние затопят меня. Пусть лучше ненависть и злость на мужа и подругу рвут меня изнутри, чем боль от того, что Вадик по-свински поступил со мной, с нашими отношениями, с нашей любовью. Хотя, после того, как я увидела сегодня его взгляд, которым он смотрел на Алису, поняла, что он и любви-то ко мне особой никогда не испытывал. Делал вид? Играл со мной? Все семь лет! Но для чего? В груди образовалась пустота, а сердце сжалось в комок. Чувство такое, что надо мной надругались, не физически — морально. Неужто Вадик так низко пал, что, не испытывая ко мне чувств все это время, терпел рядом с собой?! Стоп! Остановись! — кричит гордость.

И я понимаю, что ступаю на скользкую, узкую тропинку под названием самокопание. Неосознанно культивирую в себе зародыши вины. Нет! Это неправильно.

Ну, где же Света?!

Шмыгнув носом, потеряла друг об дружку озябшие ладошки, приложила к мокрым щекам, осушая их, крутанулась вокруг себя, пытаюсь согреться.

Я уже десять минут торчу под калиткой начальницы. Ожидание щекочет нервы.

Ее отец сказал, что она должна скоро приехать. Предложил подождать внутри, но я отказалась. Лучше побуду здесь, на свежем воздухе, на морозце — он хотя бы меня отвлекает от дурных мыслей-образов в голове. А в тепле я расслаблюсь и точно начну рыдать. Еще напугаю мужчину своим поведением. Оно мне надо?

— Хочешь поговорить о нем?

Света, усадив меня за стол на маленькой кухне, вручила чай с успокаивающими травами. Отрицательно качая головой.

— Тогда расскажи, как прошел чемпионат? Наверное, сейчас не самое подходящее время... Но я, как твой начальник, требую отчетности. Тебя ведь не было целых шесть дней.

Девушка устраивается напротив меня, подставляя кулаки под подбородок, делает вид, что готова внимательно слушать.

– Хм, не знаю, насколько это сейчас важно, – поднявшись, вышла в коридор, вернулась обратно с сумкой. Достала оттуда кубок и диплом победителя. Я заняла на конкурсе первые места во всех семи блоках. Невероятно, но факт. Положила все на стол.

– Ой, Ась, у тебя что-то упало, – кивнула начальница на пол, проследив за ее взглядом, я поморщилась, втянула в себя нижнюю губу и прикусила ее.

На полу лежала тонкая полоска теста. “Подарок” для мужа, черт бы его побрал!

– Ася! Первое место! – восхищенно проговорила Светлана. – Какая же ты умница! Ты – жемчужина нашего салона. Победить в таком масштабном мероприятии! Ты – настоящий профессионал. В этом я никогда не сомневалась.

Подняв с пола тест, я села на стул.

– Спасибо, Светлан, – скупой улыбнулась начальнице.

– А там что? – кивнула она на сжатую в моем кулаке полоску.

Я с усилием разжала пальцы. Взгляд Светланы тут же потух.

– Вот сволочь! Ты ему сказала, что беременна?

– Нет, – отрицательно качнула головой. – И не скажу.

– Ась, – Света подошла ко мне и обняла сзади. – Я знаю, тебе сейчас больно, и ты злишься на мужа...

– Я его не прощу, Свет. Никогда, – слезы сдержать не удалось и они тонкими горячими струйками потекли по щекам. – Ты знаешь, что он сделал? – задерживаю дыхание. – Он унизил меня перед этой дрянью, которую я считала чуть ли не “сестрой”. Втоптал в пол. Знаешь, как будто его измены было недостаточно, чтобы я почувствовала себя обманутой. Он еще и наши деньги ей в долг дал без моего согласия. Одолжил своей беременной любовнице наши деньги. Я не знаю, что делать, как дальше с этим жить, Свет?

Обида подкатывает к горлу, превращаясь в горький ком.

– Ася, – в голосе приятельницы звучало столько сострадания, что мне стало до одури жалко себя. Судорожно всхлипывая, закрываю рот ладонями, чтобы не разрыдаться в голос.

– Мам!

Звонкий детский голосок разносится по квартире, как колокольчик. Устремляю взгляд на проход, в котором спустя миг появляется девчонка.

– Мила, ты чего так кричишь? Ночь уже. Соседей разбудишь, – возмущается Света. – И хватит бегать босиком. Марш на диван.

Диван... Завибрировало в голове, и перед глазами появилась постыдная картина того, как Вадик любовно ласкает выпуклый голый живот Алисы. Дыхание сорвалось, участилось. Порывисто вдохнула и тут же почувствовала, как пальцы обожгло кипятком.

– Ой, – глухо вскрикнув, отдернула ладонь.

– Боже, Ася, подожди секундочку, – Светлана кидается ко мне, хватая по дороге полотенце. – Не сильно обожглась?

– Немного, Светлан. Ничего страшного. Давай я сама, – дрожащими пальцами забираю у девушки полотенце, вытираю ладонь.

Покрасневшая кожа горела. Но я не чувствовала ничего. Только лишь разгорающийся в душе пожар. Под вечер чувства стали острее, ярче, больнее.

– Ась, подожди немножко, я сейчас Милану спать уложу и вернусь, – пообещала Света и, покидая меня, ушла вслед за дочерью.

Я осталась один на один со своими чувствами: со своей обидой, злостью и душевной болью.

Весь день прошел в суете. Я все время была рядом со Светой. Помогала ей. Начальнице зачем-то срочно понадобилось уехать из дома в квартиру, какие были для этого причины, выяснять я не стала. Если Света захочет рассказать – я ее выслушаю, а сама лезть в ее жизнь не буду.

Зато, Света, стоило ей только увидеть меня, сразу все поняла. Раскусила меня. Выложила ей на эмоциях все что произошло, будто грешник на исповеди.

Думала полегчает. Ошиблась.

И вот теперь, сидя в одиночестве, чувствую как на меня накатывают волны эмоций прошедшего дня.

Установка дня — не думать о Вадике, лопнула, как воздушный шарик, и яд предательства в один миг затопил мое нутро.

Обида током прошла по венам, обезоруживая меня перед надвигающейся бурей эмоций, втягивающей в водоворот, из которого нет выхода. Я не могла ничего поделать. Вадик был уже там, в моих мыслях, и теперь я никак не могла от него избавиться. И главное, не знала, как это можно было сделать.

От переизбытка эмоций, дыхание застряло в горле. Хотелось рыдать в голос. Так, чтобы криком разбить ту горечь, которая заполнила все пространство в груди. Но эмоции остались внутри, царапая, разрывая мою душу и сердце в клочья. Обхватываю себя руками и тихо, очень тихо плачу.

Мысли в этот момент посещают всякие разные. От самых абсурдных, до самых тупых. И в каждый виток эмоций я готова выполнить каждую из них.

Но в один миг весь поток мыслей прерывает короткий звонок в дверь.

Я вздрагиваю и выпрямляюсь на стуле. Оглядываюсь в окно.

На дворе стоит непроглядная и темная ночь.

Кого в такой поздний час могло принести? Света о гостях не говорила...

Спускаю затекшие ноги на пол. Сердце в груди трепещет. Мозг, очнувшись от транса, тут же подкидывают мысль о том, что это может быть Вадик. Он каким-то образом нашел меня для того, чтобы оправдаться. Сказать, что все произошедшее — шутка или розыгрыш. Сейчас встанет на колени, будет каяться. А я?! Что я скажу ему в ответ?!

Вся эта сцена промелькнула в голове за одну секунду.

Не дыша, я вышла в коридор.

— Света, кто это? — окликнула я начальницу.

Она была в недоумении. Глянув на меня ошалелыми глазами, закрыла за собой дверь в гостиную.

— Я не знаю, — ответила сухо.

А в моей голове все больше возрастала уверенность в том, что это Вадик. Дыхание замерло в груди:

— Может кто-то ошибся?

Выпаливаю на выдохе и делаю шаг в сторону двери, когда слышу как в замочной скважине поворачивается ключ, замираю на месте. На лицо - опасность. Это воры? Домушники?

По испуганному взгляду Светланы, я понимаю, что она тоже перепугана не на шутку. Страх сковывает движения. Ноги становятся ватными и непослушными. Но Света, не растерявшись, метнулась к двери. Не знаю зачем. Мой мозг отказывался понимать происходящее.

Но стоило ей коснуться замка, как дверь распахнулась и на пороге появился высокий, красивый мужчина. Но его взгляд. Его взгляда было достаточно, чтобы вселить в меня ужас. *Лучше бы это был Вадик* — мелькнуло в глубине разума.

Я, встрепенувшись, подняла глаза, в тот момент когда мужчина навис над Светой:

— Что ты сделал с моим отцом! — вскрикнула начальница и я замерла на месте.

Она его знает?!

У меня сдавали нервы. Оказывается, с моего места не было видно еще одного мужчину, который стоял за порогом. Но, увидев его, я реально впала в отчаяние.

— Света! Кто эти люди? Ты их знаешь? — я старалась произносить слова так, чтобы мой голос звучал ровно, без колебаний, но у меня это плохо получалось.

– Это кто? – от голоса мужчины меня бросило в дрожь.

Невероятно низкий, раскатистый бас, проникал в самую глубь селезенки, отдаваясь вибрацией во всем теле.

– Я сейчас позвоню в полицию, – со свистом на выдохе, выдавила из себя... зачем-то.

Мужчина окинул меня насмешливым взглядом, коротко кивнул в мою сторону:

– Займись этим храбрым олененком, Гер, а мы пока со Светланой Петровной поговорим.

– Не трогай ее! – с тревогой в голосе произнесла начальница. Но, как только в коридоре появился этот самый Гер, я поняла — мне конец и сердечная мышца сжалась в прединсультном состоянии.

– Не трогай меня! – вскрикнула я, когда громадный мужлан, подхватив меня на руки, потащил на кухню.

Глава 3

Мне так и не удалось нормально поспать. После того, как все закончилось и в итоге выяснилось, что это отец Миланы и бывший мужчина Светланы, в квартире долго еще стоял дух этого человека и звонкие отголоски щебетания девочки.

Но меня больше всего беспокоила Света. Ее поникший взгляд и тень, которая легла на лицо непроницаемой маской, казалось накинута ей сверху пару десятков лет. Она, за какие-то двадцать минут, из жизнерадостной девушки превратилась в уставшую женщину.

Брр... Передернула плечами. Обняв себя, вглядываюсь в кружащий хоровод снежинок за стеклом, сверкающих в тусклых фонарях в предзакатный час. Рядом с таким мужчиной, как начальник Германа, я бы тоже чувствовала себя не лучше Светланы.

Невольно почувствовала, как губы неожиданно расплылись в большой, угрюмой и совершенно безобидной улыбке. Стоило только впустить в мысли мужчину, напугавшего меня до одури, на душе заскребли кошки. Улыбка сошла с лица. А до вчерашнего дня, я бы себе подобного даже в мыслях не могла представить. Вадик не позволил бы. Он ведь был для меня всем: и солнцем, и землей, и воздухом. Дышала с ним вместе, жила и делала все ради него, ради нашего будущего.

Удерживая в одной руке горячую кружку с чаем, вторую положила на живот, стиснула челюсть. Я думала, что мы любим друг друга. И да, возможно, были в наших с ним отношениях какие-то проблемы, но я верила в то, что это все из-за моей загрузки на работе.

Попервой Вадик меня всячески поддерживал. Даже несколько раз сопровождал на разные фестивали, конкурсы. Но потом охладел, — стал ссылаться на то, что ему скучно быть наблюдателем. Он лучше останется дома, займется ремонтом или текущими делами. А я ведь настолько верила в нас, нашу семью, что даже и мысли не могла допустить, чем он на самом деле занимался.

Хм, а ведь в том, что он поддался чарам Алисы, я сама виновата, — горькая усмешка искривила мои губы.

Вспомнился тот день, когда мы наконец-то набрали с Вадимом заветный первоначальный взнос на квартиру и принялись искать жилье. Сколько было у нас с ним жарких споров по этому поводу, сколько разногласий, но все они сошли на нет в буквальном смысле за один миг, от одного звонка.

Ребят! – радостно прокричала Алиска в трубку. – У меня в подъезде на пятом этаже квартира продается!

Если бы я тогда знала, чем закончится наше соседство с подругой, никогда бы не подпустила ее к нашей, теперь уже в скобках, семье.

В мыслях картинка за картинкой мелькали кадры из прошлого, которые я не хочу вспоминать, но они навязчиво врываются в голову без разрешения: вот мы стоим на пороге квартиры, не новой, но трехкомнатной. Мне тогда квартира не особо понравилась, но Алиска с придыханием и восторгами рассказывала, как нам будет здорово жить по соседству, как будем ходить чаще в гости к друг другу и не придется торчать в пробках лишний раз. Да и вообще, когда рядышком живут близкие люди – это всегда здорово и круто! И я прониклась. Только ... кто бы знал, каким боком выльется мне мое малодушие спустя несколько лет, когда вернувшись из командировки, я застану в своей постели мужа и лучшую подругу.

В груди зашевелилось что-то темное и нехорошее. Дрянь. Обманщица. Предательница.

Силой поставила кружку на стол. Жидкость из нее тут же выплеснулась на поверхность.

В груди что-то треснуло и на сердце повеяло морозцем, остужая разгоряченную кровь.

Ладно, хорошо! Нужно, же как-то посмотреть на всю ситуацию и с другой стороны, с их, – рассуждаю про себя о поступках некогда самых близких мне людей, пытаюсь тем самым понять их мотивы.

Напускной объективности хватило ненадолго. А точнее, на пару первых здравых предположений, когда я стараюсь мысленно встать на место моего, уже теперь бывшего, мужа. Ну, с ним все довольно понятно и просто: мужик, он и в Африке — козлина гулящая, на что позарился — тоже понятно — Алиска красавица, да еще и богачка. Бумер шестой ей достался от мужа и в гараже она держит свою крошку-малышку Аудио-кабриолет. Я в них сильно не разбираюсь, но Лиска сказала, что стоит она столько, что вслух страшно произнести. Этого достаточно для того, чтобы понять ценность этой машины. Отрываю кусок бумажного полотенца, накрываю им сверху мокрое пятно. Допускаю, что надоело моему благоверному прозябать со мной в постоянной денежной яме и он решил поискать жизни послаще. А зачем кого-то искать на стороне, когда вот она — Алиса, готовая. А чтоб ее привязать к себе наверняка, он заделал ей ребенка. Гад.

В груди закручивает снежные вихри ураган. Меня пробирает озноб, в то время, как мозг начинает плавиться от безумных мыслей-образов.

Нет! Не могу думать о них. И уж точно не могу даже мысленно представить для них оправдания. Предатели! Им нет прощения.

Спохватившись, я выливаю чай в раковину и стремительно шагаю в гостиную. Собираю необходимые вещи. Прибираю беспорядок. Собираюсь с мыслями и волей, — мне нужно вернуться домой. Света разрешила некоторое время, пока не разберусь с мужем, пожить в ее квартире, потому что жить и знать, что мой муж и лучшая подруга — спят вместе двумя этажами выше — это ад.

Такси не заставило себя долго ждать. Уже через двадцать минут затормозило возле моего подъезда.

– Спасибо, – бросив сухо, вышла я на улицу.

Поземка, прокатившись по дороге, припорошила ноги, мелкие снежинки забрались под брюки, ущипнув кожу холодом.

Втянув шею в плечи, набравшись смелости, подняла глаза на окна нашей квартиры. Темнота.

Хотя, что я ожидала увидеть в шесть часов утра? Светодискоотеку?

Да и Алиса вряд ли теперь позволит Вадику остаться в квартире. Будет, наверно, опасаться моих истерик и поползновений в его сторону. Думает, я настолько жалкая, что закрою глаза и кинусь к ногам предателя? Да не угадала она. Я не настолько зависима от мужа, чтобы унижаться перед ним.

Распрямив плечи, вздернув подбородок, твердым шагом направилась к двери.

Зашла в подъезд. Вызвала лифт. Он остановился на нужном мне этаже. Я шагнула и увидела на лестничной площадке дверь нашей квартиры.

К горлу подкатил щемящий комок. Я замерла посередине, на полушаге до двери. На душе заскребли кошки, в голову закрались сомнения в том, что я приехала слишком рано.

Чувство обиды, как пощечина, отрезвило меня.

Встрепенувшись, оглянулась по сторонам и стремительно сократила оставшееся расстояние. Медлить нельзя. Если сейчас дам слабину, то вряд ли хватит сил для того, чтобы в ближайшее время вернуться.

Учащенное сердцебиение болью отдавало в висках. Открываю дверь и меня тут же утягивает вглубь запах родного дома. Непрошенные слезы наворачиваются на глаза. Как же выстоять, и не поддаться поднимающимся на поверхность эмоциям?

На дрожащих, подгибающихся в коленях ногах, прохожу по коридору. В квартире непривычно тихо. Обычно в это время Вадик уже просыпался, готовил завтрак, прежде чем разбу-

дить меня. Но сегодня в квартире пахло не свежеподжаренными тостами и свежесваренным кофе, а пустотой и предательством.

Кровь в венах замедляет бег. События, произошедшие накануне, пульсируют в голове, не давая дышать полной грудью. Страх от того, что эта картина может повториться держит нервы натянутыми до такой степени, что все тело звенит.

Делаю шаг. Секунды бешено мчатся, еще одна и мне кажется, что они перетекают в минуты и начинают замедляться. Замираю у двери гостиной, зажимаю глаза и ...

– Ася?!

Меня аж током пробило от неожиданности, волосы на затылке встали дыбом, зашевелились от испуга.

Резко поворачиваюсь на голос мужа, выпучив на него бешеные глаза.

Вадик даже отшатнулся, как мне показалось, а может от страха в глазах зарябило.

– Какого черта ты тут делаешь? – выпалив дребезжащим голосом, шарахнулась к стене, больно врезаясь лопатками в бетон.

– Ну, вообще-то я здесь живу.

Он закрывает входную дверь на замок, проходит внутрь, неумолимо приближается ко мне. Я пребываю в шоке и кручу головой, в которой пульсирует мысль: *Куда бежать?! В какую сторону?*

– Не подходи! – шиплю, когда нас с ним разделяет расстояние вытянутой руки.

Вадик замирает, но лишь на мгновение, делает резкий шаг вперед и своим крепким телом прижимает меня к стене. Морщусь, выставляю руки вперед и пытаюсь избавиться от него. Мои легкие забиваются запахом чужих женских духов, Алисиных духов. Вот гадство.

Злоба и ... ревность опаляют сердце.

– Ась, – низко, заискивающе, звучит голос Вадима.

– Мне плевать, слышишь, плевать на то, что ты сейчас скажешь. Я не хочу ничего слышать и ничего знать. Все, что надо было, я уже увидела и услышала. Отойди от меня, – мямлю сквозь зубы, тем самым пытаюсь скрыть нарастающую истерику.

– Ась, давай нормально поговорим. Я же к тебе с добром. Хочу, чтобы все было по-человечески.

– По-человечески?! – задыхаюсь я от ... Господи... это обида, я так на него обижена, что словами просто не передать.

Эмоции хлещут через край. Я смотрю на него холодного, отстраненного, больше не моего, чужого. Пальцы сжимаются в кулаки. Не могу поверить в то, что он больше не испытывает ко мне никаких чувств. Совсем. Его пронизывающие арктическим холодом глаза не отрываются от моего лица.

Стая мурашек поползла по плечам, собираясь в холодную змейку вдоль позвоночника, рухнула вниз, сковывая поясницу. Я закусила губу. Если это не остановить, я сейчас расплачусь. Очень больно осознать в одночасье, что все эти годы ты жила в обмане.

– Да, Ась. Мы взрослые цивилизованные люди. А ты ведешь себя, как истеричка, – ровно, без всяких эмоций продолжает говорить Вадим так, как будто мы с ним обсуждаем что-то обыденное, повседневное, а вовсе не его измену. – Алисе очень плохо. Она сама не своя от того, что произошло. Хотела даже позвонить тебе вчера, но я отговорил. Ведь знаю, что на эмоциях ты могла наговорить ей столько гадостей. Впрочем, что ты вчера и сделала. Я чего-то подобного, признаться честно, и ожидал от тебя, – раздался вздох разочарования.

– Ты в своем уме? – не сдерживаясь, повышаю тон, предпринимаю попытку оттолкнуть его.

Но Вадик перехватывает мои руки, сцепляет их, заводит за спину.

– Что ты творишь?!

– В пятый раз повторяю, что хочу просто поговорить и кое-что прояснить. Вот и все.

У меня все клоочет в груди. Я не могу стоять спокойно.

– Убери от меня руки, Вадим. И не смей, слышишь, не смей меня больше ими касаться, я не хочу, чтобы ты меня пачкал.

– Хм, слышать от тебя такое странно, Ася, – с сарказмом замечает Вадик, неожиданно отпуская, отступает от меня на шаг. Перехватывает меня за локоть, тащит на кухню.

– Ты бы хоть не позорилась. Время выждала, прежде чем в койку к другому мужику прыгать. И можешь не отрицать. От тебя воняет ужасно. С забулдыгой что ли кувыркалась?

Воняет?! От меня?! Ах, он сукин сын!

Злость закипает в жилах в одно мгновение. Останавливаюсь. Вырываю руку из его хватки:

– Ты не вешай на меня ярлыков, Вадик, и не переводи стрелки. Если у самого рыло в пушку, то меня к этому не приплетай!

– А я и не пытаюсь, Ася! Я только констатирую факт. Да, согласен, что по отношению к тебе мы с Алисой поступили немного нечестно...

– Нечестно?! Господи! Вадим!? ТЫ СЛЫШИШЬ СЕБЯ? У тебя жар? Или в голову надуло? Что ты несешь? Ты поступил, как последний подонок и негодяй! Ты...

– А ты?! Как ты поступила со мной, Ась? Разве я заслужил того, чтобы ты обманывала меня?

У меня от возмущения воздух из легких вышел со свистом!

– О чем ты? – округляю глаза. – Да у меня кроме тебя никого не было.

– Да?! Тогда, как ты объяснишь это?

Вадик жестко дергает мой свитер на груди вверх и тычет тканью мне в нос.

Я рефлекторно, а может быть и потому, что нужно было сделать вдох, вдыхаю запах и отдаленно чувствую запах мужского одеколона. На мгновение впадаю в ступор. Откуда?! Но все становится на свои места, когда до меня наконец-то доходит откуда на мне мог оказаться чужой запах.

Я надела тот же свитер, что на мне был вчера, а тесно мне вчера пришлось пообщаться только с одним мужчиной – с Германом.

Перехватываю запястья мужа. Отбрасываю от себя.

– Ну, что молчишь? Сказать нечего? Да и не надо оправдываться, Ась. Я знаю, что это не единичный случай. Я и раньше догадывался. Просто верить не хотел.

– Вадим! Ты сейчас серьезно все это?

– Ну, я же тебе сказал, что хочу поговорить. По-твоему, я конченный, да?! Думаешь, вот у нас все с Алисой просто так, на пустом месте закрутилось?

Он идет на кухню первым, я же так и остаюсь стоять на месте, будто гвоздями прибитая к полу. От признаний Вадима я в шоке. Этого просто не может быть! Что он несет? Я никогда ему не изменяла. Никогда.

– Это невозможно, – шепчу одними губами, но он вряд ли что-то слышит, потому как на кухне зашумела вода. Вадим поставил чайник.

– Ты знаешь, я же очень тебя любил. – Эти слова доносятся приглушенно и я на негнущихся ногах делаю несколько шагов, останавливаюсь в дверях.

Я все еще под впечатлением. Испытанный стресс лишил меня дара речи.

Я где-то на краю сознания догадывалась, о чем сейчас начнет говорить Вадим, но до конца не хочу верить в то, что к этому всему причастна Алиса.

– Да?! Именно поэтому, ты мне делаешь так больно? Потому что любил меня? – вскидываю бровь, спрашиваю с иронией.

– Ты, Ась, виновата в том, что я тебя больше не люблю, – сухо отвечает, – даже не люблю, Ась. Я тебя презираю. Мне противно стоять с тобой рядом. Вот знаешь, как будто отвернуло.

Каждое его слово, как хлесткая пощечина, бьет меня. В душе становится гадко и паршиво, аж к горлу ком тошноты подкатывает от его взгляда, которым он смотрит на меня.

– То есть в том, что ты спишь с Алисой, виновата я? – прокашлявшись спрашиваю, сделав шаг в его сторону.

– Да, абсолютно точно. Ты и твои похождения налево, женушка, – с сарказмом произносит Вадим. – Ты думала, что я не узнаю? Думала, что и дальше меня за лоха будешь держать? А вот не угадала. Есть на этой земле справедливость, Ась. Справедливость и добрые люди.

– Тебе что-то Алиса сказала?

– Это уже не важно, Ась. Важно то, что теперь я все знаю. И больше у тебя не получится мне наставлять рога.

– Вадим, ты глупец, – произношу на выдохе. – Как ты мог повестись на ее слова. Это же ложь!

Моему возмущению не было предела. Негодование распирало меня изнутри, будто воздушный шар перекачивали гелием.

– Мне плевать на твое мнение, Ась, честно. Но чем дальше ты продолжаешь врать, тем становишься омерзительней, – изгибает губы в презрительной ухмылке.

– Я не вру! Ты ходячий имбецил, Вадим, раз повелся на такую глупость! – выкрикиваю, но тут же жалею о сказанном.

Вадим в один миг оказывается возле меня, нависает. В его взгляде читается ненависть.

Он поднимает руку. *Ударит?! Но я не дожидаясь. Перехватываю ее!*

– Только посмей!

– Ты знаешь, я никогда. Никогда не трогал женщин! Но тебя мне хочется придушить. Сука! Ненавижу тебя! Ты тварь, которая не имеет права ходить по земле! Я все знаю! Поняла!

Шок, как удар в солнечное сплетение, выбивает из легких кислород! Открываю рот, хватаю воздух, но он застревает в горле.

На глазах наворачиваются слезы. За что он так со мной? Почему?

– Что ты корчишь из себя сейчас невинную овцу?! Больше тебе не удастся меня провести. Я сам видел своими глазами те фото, на которых ты, улыбаясь, показывала положительный тест на беременность!

– Что? – хрипло слетает с моих губ.

– Ой! Все, хватит! Бесишь! Чего теперь скрывать? Ты думаешь, одна такая умная? Нагуляла - сделала аборт. И так по кругу. Сколько у тебя их было, а?

Мне становится больно дышать и видеть его. Казалось, еще немного и у меня случится инфаркт. Что он несет?

– У тебя большая фантазия, – сипло, еле выговариваю эти слова.

– О, так лучше иметь больную фантазию, чем гулящую жену, – выплевывает мне в лицо обвинение Вадим.

– Это бред, Вадик! Ты себя слышишь?

– Не только слышу, но и все вижу. И только посмей на меня еще открыть рот, шлюха. Пожалеешь!

Хлестко, яростно, с дикой жадой заткнуть ему рот, обжигает кожу ладони пощечина, которую я залепила ему.

– Ах, ты дрянь!

Вадик толкает меня. Замахивается, но ударить не успевает. Мы слышим, как в коридоре хлопнула дверь. Мне хватает секунды, чтобы в голове созрел план как отомстить Алисе и этому козлу. Интуитивно чувствую, что в дом зашла она.

Схватив Вадика за грудки, резко его тяну к себе, прижимаюсь. Сердце колотится. Вот-вот выпрыгнет из груди. Я на пределе. Муж, не удержав равновесие, спотыкается и инстинк-

тивно, чтобы не упасть, кладет руки мне на плечо. И вот он, тот самый момент, когда Алиса оказывается в дверях кухни, и видит как мы будто обнимаемся.

– Вот значит как?

Голос Алисы перерастает в шипучий. Жаль не удастся увидеть в этот момент ее лицо.

– Алиса, ты все не так поняла, – Вадим пытается от меня отцепиться, и я, конечно, ему это позволяю.

Мне даже одна секунда в его руках показалась целой нескончаемой вечностью.

Нацепив на лицо маску обескураженности, поворачиваюсь к Алисе, актерски округляю глаза:

– Ты? – возмущенно. – Как ты вошла?

– Я?! – секундное замешательство и она делает шаг в мою сторону, в глазах вспыхивает нездоровый блеск, когда она обводит нас с Вадиком взглядом.

– Я ей дал ключи, – раздраженно отвечает муж и только делает шаг навстречу беременной любовнице, когда Алиса с диким взглядом бросается на меня с явным намерением выцарапать глаза.

Нас разнимает Вадим. Но пострадать я все же успеваю. Немного поцарапанная щека и вырванный клочок волос с макушки остается у Алисы в кулаке, как трофеем.

Подруга, даже в руках у Вадика, извиваясь, бьется в истерике.

Из ее рта льется грязный мат, от которого даже у меня, взрослой девочки и далеко не скромницы, сворачиваются уши в трубочку. Она сыплет на меня проклятия, как из рога изобилия.

– Алис, ты же беременная, а так сквернословить! – крикнула я им вдогонку с издевкой, сжимая в кулаке содранную с нее цепочку.

Громко хлопнув дверью, парочка удалилась, а я тут же, где и стояла, села на пол. Швырнув цепочку в стену, затихла. Вымотанная, раздавленная, без сил. Даже плакать не могу. Сажу молча. Не дыша.

В висках дикой пульсацией отдается стук сердца. Хочется сдохнуть. Еще один такой раз и мои нервы сдадут. Поеду лечиться в психушку. Только вот кому я сделаю проще, им?

Кошусь в сторону двери. Зачем я только приехала? Ведь можно было предугадать, что этот гад будет ждать меня, чтобы вылить на меня ушат с грязью.

Но тут же мысли вернулись к его словам о том, что все началось с меня и якобы моих измен.

Значит мои догадки все же оказались верными. Без участия Алисы здесь не обошлось.

Пытаюсь в памяти воскресить воспоминания, которые так старательно пыталась вычеркнуть из нее однажды. Сейчас же мне нужны детали и подробности. Хочу понять, откуда в голове у мужа подобные мысли.

Не знаю зачем?! Зачем хочу воскресить в душе всю ту боль, что мучила меня несколько месяцев подряд, но ...

– Алиска, ты первая, – улыбка в тридцать два зуба сияет на весь экран телефона.

– Ась, ты чего так рано? – сонно тянет подруга, потирая глаза.

А у меня в груди радости столько, что кажется на весь мир хватит. Подношу к камере положительный тест на беременность.

– Смотри! – кричу в динамик, размахивая полоской.

В воздухе повисает молчание. У Алисы медленно вытягивается лицо, потом становятся большими глаза. Она просыпается. Садиться в кровати.

– Не может быть?! – выдыхает.

– Да!

Я вприпрыжку кружусь по комнате. Меня переполняет запредельное счастье. На улице стоит жаркий июнь, за окнами - бирюзовое море. Мечта! И пусть мне придется сегодня целый день провести в подвальных кулуарах, наводя шик и блеск нашей местной знаменитости – это нисколько не испортит моего настроения.

Да-да, мне посчастливилось быть визажистом одной восходящей звездочки и вместе с ней и ее командой попутешествовать к морю для съемок музыкального клипа.

И кто бы мог подумать, что именно здесь, в таком прекрасном месте, я вдруг узнаю о своей беременности. Настроение немного испортилось только лишь от того, что рядом нет мужа.

– Как Вадиму об этом скажешь?

С напряжением в голосе спросила подруга и это омрачило мое настроение.

– Думаешь он согласится? – напирает Алиса.

– У него не будет выбора, подруга. В этот раз все получится точно. Да и на первоначальный взнос мы почти накопили. Так что я не отступлюсь. Ему придется согласиться.

– Ну, не знаю, Ась. Вадим очень категоричный. На днях с ним столкнулась в подъезде. Он был хмурым. На мой вопрос о том, что случилось: сказал, что на работе не заладилось что-то.

– Вот как?! – улыбка сошла на нет.

А почему же он мне ничего не сказал? – я задумалась на миг.

И тут же меня отвлек стук в дверь:

– Ася, – мужской голос. – Ты готова? Мы выезжаем.

– Да-да. Я выхожу.

Быстро простившись с Алиской, я, подхватив сумку, выбежала вслед за продюсером. Его комната в гостинице оказалась по соседству с моей.

Но прежде, чем выйти, сделала быстро фото теста. Обязательно Вадиму отправлю в течении дня, но в суете нечаянно отправляю его Алисе.

По дороге приходится немного почтиться с подругой.

Извини, не тебе

Угу, кто это был?- продюсер

Какой строгий =). Сфоткаешь?

Тебе зачем?

Интересно =)

– Валерий Васильевич, – подстраиваюсь к мужчине, шагаю с ним в унисон.

– А? – не сбавляя шага, кидает на меня короткий взгляд, оторвавшись от экрана телефона всего на миг.

– Можно с вами сфоткаться? – краснею.

– Зачем? – оттормаживается.

– Подруга просит, – еще больше краснею, вот Лиска, и надо было мне это?!

– Красивая?!

– Очень, – киваю.

– Ну, тогда фоткай, – улыбается в тридцать два зуба.

Я становлюсь ближе к Валерию Васильевичу для совместного фото. И перед тем, как щелкнула камера, он обнял меня за плечи и притянул к себе.

Я хлопнула глазами. Покосилась на него.

– Что-то не так? – вздернул бровь.

– Эй?! Вы что, дружите? – кто-то окликнул нас и я, вздрогнув, ткнула пальцем в экран. Отправила фото.

– *Черт! Черт!*

Всполошилась.

Алис, это не то, что ты подумала!

Пишу подруге и тут же удаляю фото, хотя прекрасно вижу, что она уже открыла его.

Черт. Если это фото увидит Вадим, то он точно неправильно поймет.

Снова приходится отвлекаться на переписку:

Удали фото, пожалуйста!

А он ничего! Симпатный!

Фото удалила?

Угу! Не думаю, что Вадим бы обрадовался, если бы увидел ;)

АЛИСА!

Да, удалила! Чего ты распереживалась?

В тот день мне удалось переговорить с мужем только поздним вечером. Я так устала, что ног под собой не чувствовала. А о том, чтобы рассказывать о положительном тесте на беременность и вступить с ним в дискуссию у меня не было ни сил, ни желания. Попрощавшись с мужем, пообещала себе, что расскажу ему об этой радостной новости в ближайшие дни.

Через два дня у меня случился выкидыш.

Вадик у я так и не сказала о беременности — Алиска отговорила. А ведь именно ей я сообщила об этом первой.

Резкий, внезапный звук заставил меня вздрогнуть.

Незнакомая мелодия телефона разрывала тишину квартиры. Оглядываюсь по сторонам в попытке понять откуда доносится звук.

Поднимаюсь на ноги, иду на звук, который звучит из гостиной.

Но найти телефон я не успеваю, так как он перестает звонить.

Меня штормит, ломает от того, что приходится находиться в комнате, где так и осталась разобранной постель, на которой я застукала мужа с подругой.

Сжимаю челюсть, пальцы в кулаки. Стремительно подлетаю к дивану и одним рывком сдергиваю постель, бросаю на пол, топчусь по ней с остервенением раздираю постельное белье на лоскуты.

Ситец поддается легко. Конечно, он же уже изрядно потрепан, потому что кто-то не разрешал мне купить белье, решив сэкономить на этом. Сволота паскудная.

Ненавижу! Злые слезы текут по щекам. Семь лет каторги и какова отдача? Измена со стороны мужа и предательство со стороны подруги!? Подлецы! Предатели!

Неконтролируемый гнев рвется наружу. Хочется все крушить. Устроить на этом месте пепелище! Пусть горит все синим пламенем. Плевать!

Собрала все в охапку. Только сделала шаг в сторону выхода, когда вновь раздался звонок телефона. Разжимаю кольцо рук, бросаю все на пол, кидаюсь искать трезвонящий гаджет.

Как оказалось, трубка завалилась за спинку дивана — именно оттуда раздавалась мелодия.

Не знаю откуда взялись только силы: я одним рывком отодвинула старый диван от стены и в последний момент приняла вызов.

– Ты оборзела? – в трубке послышался недовольный мужской голос.

Я в растерянности глянула на экран. Алекс.

Что за черт? И только сейчас сообразила, что это телефон не Вадика, а Алисы.

– Я?! – пискнула, стараясь не выдать того, что я - вовсе не Алиса.

Зачем я это делаю? Не знаю. Просто какое-то предчувствие толкнуло меня на то, чтобы не признаваться что я - не Алиса.

– Чего трубку не берешь сразу?!

Молчу.

– С хахалем своим что ли кувыркалась? – ехидно задают вопрос на том конце провода.

Молчу.

– Че молчишь? Злишься? Да, похер мне. Я ж сказал, что мне плевать на то, с кем ты телесами трешься. Главное спиногрыза на меня не повесь потом.

Молчу. А у самой в голове карусели крутятся.

– Эй, Лиса. Ты тут?

У меня пересохло в горле. Кто этот Алекс? Алиса про него никогда не рассказывала. И почему он должен злиться? Ведь Алиса уже как полгода беременна от Вадика? Или все же нет?

Вопросы один за другим возникают в моей голове. Я открываю рот, чтобы хоть что-то ответить, потому как молчание затягивается, когда я слышу следующее:

– Я стою возле подъезда, давай наряжай свою задницу потеплее, жду. Выходи.

Следом доносятся короткие гудки.

Я смотрю на потухший экран. Нажимаю боковую кнопку, чтобы разблокировать, но на вспыхнувшем цветном экране высвечивается графический ключ.

Черт!

В груди возникло тревожное предчувствие. Я крутанулась на пятках, чтобы подойти к окну и посмотреть кто же там ждет Алису, но в шоке застываю на месте, упершись в прищуренный взгляд подруги.

– Телефон отдай, – цедит сквозь зубы, кивая на трубку в моей руке.

– Ты же беременна не от Вадика, да? – пройдясь по ее лицу грозным взглядом, остановилась на выпуклом животе.

– Ась, отдай по-хорошему, – Алиса делает шаг в мою сторону.

– Отец ребенка - Алекс? – не отступая, бросаю ей в лицо первое что пришло в голову.

И по тому, как вспыхнули глаза гадины, как вытянулось ее лицо, а губы исказила злая усмешка, я поняла, что попала в точку. Меня затрясло и бросило в жар.

– Что ты сказала? – внезапно раздался из коридора голос мужа, а через секунду в дверном проеме появился он сам.

– Вадь, ну кого ты слушаешь? Она же теперь будет только и делать, что ссорить нас с тобой. Разве не видишь? – напускная обида появляется на лице Алисы, она жмет к Вадиду, а у меня все горит в груди.

– Повтори, что ты сказала? – говорит сквозь зубы.

Вот зараза. Чувства обостряются, так как на первый план снова выползает обида. Почему он ей верит, ведь очевидно же, что она лжет?

Неадекватное поведение этой парочки пугает, заставляет нервничать. Не знаю, что от них еще можно ожидать. Отступаю.

– Ну, говори, – настаивает Вадим, сверля меня взглядом: – Алис, о каком Алексе идет речь?

– Да, расскажи ему, подруга, кто тебя ждет возле подъезда с утепленной задницей!? – с сарказмом цитирую слова звонившего мужчины.

– Ты больная совсем? – гундит низким басом Алиса.

Я, не сходя со своего места, кидаю ей телефон. Гадина, взвившись, кидается ко мне навстречу, вылавливая трубку из моих рук. А я не свожу в этот миг взгляд с мужа. Подмечаю, как он морщится, когда замечает ворох порванных лоскутов на полу, а потом цепляется взглядом за меня, искривляет губы в презрительной усмешке.

– Ты ведешь себя низко, Ась, – бросает фразочку.

Я тут же отвожу взгляд. Мне противно смотреть на его нахальную рожу.

Алиса, поймав трубку, дрожащими пальцами пытается засунуть ее в карман.

– Он ждет звонка, Лис, – не отступаю. – И заодно тебя.

Подруга краснеет от ярости. По лицу идут красные пятна. Шипит:

– Да сколько можно?! Успокойся уже, – кидает мне: – Вадь, пошли, мне в женскую консультацию к определенному времени нужно, – подхватывает его под руку, толкает к выходу.

Вадик уступая Алисе, делает шаг в сторону коридора.

– Тюфяк, – бубню под нос, наблюдая за тем, как они уходят.

Тут же бросаюсь к двери, закрываю ее на ключ изнутри и оставляю его в замочной скважине, — теперь сюда никто не попадет без моего ведома.

Иду на кухню и останавливаюсь у окна.

Парочки влюбленных – от этого словосочетания щемит в груди, – еще не видно, зато я прекрасно видела того, кто звонил Алисе: Алекс как и сказал, стоял возле подъезда, ждал ее.

Невысокий коренастый мужчина. Взрослый. Одетый в кожаную куртку и тяжелые ботинки, был похож на прожженного головореза. Мужчина нервно курил сигарету, то и дело поглядывая на дверь подъезда. Ждал.

Я прижалась лбом к ледяному стеклу. Меня взяло дикое любопытство, я хотела бы увидеть лицо этой стервы в тот момент, когда она поймет, что я не врал. Но, к сожалению, Вадика и Лиску, я так и не увидела, видимо, они свернули на тротуар, пошли в другую сторону, но зато я увидела перекошенную яростью физиономию Алекса. Он так посмотрел на Алису, как будто голову ей свернуть хотел, что даже у меня от его взгляда мурашки по спине побежали. Кто он такой, черт бы его побрал? И что его связывает с Алиской?

Глава 4

Вадик

– Почему ты никак не реагируешь на ее выпады в мою сторону?

Возмущенно шипит Алиса, впиваясь в мое предплечье острыми ноготками.

Мы стоим в лифте. Близко. Тесно

прижаты друг к другу. Становится трудно дышать. С ней одним воздухом.

– А что ты хочешь от меня? – вскидываю бровь и пытаюсь увеличить расстояние.

– Зачем ты спустился в квартиру? Знал, что она там? – щурит глаза.

– Мне нужно было взять одежду, – прикусываю язык.

Беременность на Алису в последнее время действовала каким-то странным образом. Она выедала мне мозг ложечкой каждый день с садистским наслаждением. Видимо от этого появилось определенное раздражение.

И именно оно мне мешает нормально поговорить с женой. Оно и Алиса.

Я не понимаю, чего она от меня хочет? Один раз она утверждает, что Ася — законченная дура и ее нужно растоптать, но проходит десять минут и ее мнение тут же меняется.

Ася - для нее опять подруга. Ее мучает совесть. Она чувствует себя предательницей по отношению к ней. Ну ведь она же не виновата, что у нее ко мне чувства. Что любит меня. Сумасшедшая.

Но дело не только в Алисе. На самом деле, за мной тоже есть грешок.

Не знаю, почему я срываюсь на жену. Ведь, как мне казалось, давно смирился с тем, что она мне изменяет. И как мне почудилось, даже простил ее.

Переспав с Алисой, мне казалось, я ей отомстил. Внутри себя.

Смотрю на Лису и вспоминаю, как нечаянно в ее телефоне фотку заметил. Она попыталась скрыть, но не особо-то и хотела. Я тогда уже знал, что подруга Аси на меня запала. Но я никогда ей не давал даже намеков на то, что между нами могут быть какие-либо отношения... Но все изменилось в тот момент, когда в моих руках оказалось то сраное фото с положительным тестом на беременность.

Я был растерян. Я не знал как поступить. Ведь с момента, как Ася прислала это фото Лисе прошло уже два дня. А мне жена так и не позвонила. Я несколько раз пытался заговорить с ней об этом. Но каждый раз разговор сходил на нет, потому что Асю постоянно кто-то отвлекал, либо она отдыхала. И я решил, что дам ей возможность самой все мне рассказать.

Я не хотел детей. Мы были с ней очень молоды. Да и моя амбициозность в плане работы, не позволяла остановиться, чтобы завязнуть в детских подгузниках. Не хотел. У нас с Асей была договоренность. Пока никаких детей. Только наши цели. А тут такое, как удар под дых. Поэтому время нужно было не только ей, но и мне. Мне нужно было подумать. Осмыслить. Нужен ли нам орущий ребенок в квартире.

Но время шло, а Ася мне так и не призналась ни в чем. Я затаил на нее обиду. У меня к Аське и так особо большой любви никогда не было. Да, нравилась. Да, удобная. И да, Ася нравилась моей маме и моей бабуле. Последняя от нее вообще была в восторге. Ну что скрывать. Мама всегда напрямую говорила: *“Такие, как Ася, не бросают и не изменяют. Об таких хоть ноги вытри, она отряхнет, встанет рядом с тобой и дальше пойдет. Дальше будет любить и уважать. Так что, Вадь, будь разумнее. Ася — это девочка для жизни.*

И точно для жизни. Вот только не угадала мама. Аська меня предала. И как потом оказалось: тест она прислала Алисе, чтобы совета спросить можно ли мне навешать лапши на уши? Поведусь или раскушу ее? Ведь забеременела она от продюсера, с которым на съемках была. Доказательство в виде фото и переписки тоже имелись.

Если бы Аська в тот момент была рядом — придушил бы ее собственными руками.

Я тогда напился. До беспамятства. И, как следствие, проснулся с утра в обществе Алисы. Мы лежали в кровати с ней голые. Она рядом со мной такая красивая. Стройная. Привлекательная. Не то что Аська - предательница и изменщица. У меня даже в груди не екнуло от того, что изменил. Отомстил. Черт побери. Я ей отомстил.

Лифт остановился и мы вышли на площадку.

– Вадь, ты только не злись, ладно? – неожиданно Алиса останавливает меня, прижимается.

– Ну, я так и понял, что Алекс — этот тот крендель, которому ты поцарапала машину?

– Да, Вадь. Только не связывайся с ним. Он бандит и какой-то там криминальный тип. Ну ты же знаешь, я не люблю эти разборки.

– Я тебе говорил, что нужно было расписку с него брать. Теперь ни денег, ни расписки. И он все еще что-то хочет от тебя.

Недовольно насупился. Алиска, хоть и красивая и казалось бы умная, все-таки бизнес своей, а вот посмотришь, — дура дурой.

Вляпалась в какую-то историю, сказала сама разберется. Вот и разобралась. Оказалось, челу одному влиятельному поцарапала машину. Он с нее расплату натурой требует. Она ему и деньги отдала: *те, которые мы с женой откладывали на досрочное погашение ипотеки, ну Алиска обещала вернуть в следующем месяце.*

... но чел ни в какую. Его даже ее живот не смущает. Я порывался несколько раз с ним поговорить, но Алиса отговаривала. А сегодня, получается, вообще обнаглел, — к дому приехал. – Я промолчу, Лис, но только если он первый не начнет. На него надо заявление в полицию написать. Тогда может отстанет.

– Спасибо, Вадюш. Ты только не обращай внимание на него. Хорошо?

– Ладно, не буду, – сжав в кулак ворот дубленки, толкнул подъездную дверь, выпуская Алису на улицу.

– Аське не верь, ты же знаешь, я люблю только тебя, – стрельнула глазами, прижалась к губам жадным поцелуем.

Обнял ее за талию. Сжал. Осторожно. Ответил на поцелуй.

– И я тебя люблю, детка.

Из подъезда мы вышли одновременно. Лиса прижалась ко мне и даже в сторону, того мужика, который на гелике стоял, не обернулась.

Я все-таки бросил на него короткий взгляд. Угрожающе сузил глаза.

У него на скулах заиграли желваки. Взглядом зверя посмотрел на нас, стоит, сигарету жует.

Урод. – пробубнил я одними губами.

Но Алиса, будто почувствовав опасность, ускорила шаг, потянула меня быстрее в сторону.

– Мы опаздываем, любимый.

Собирала вещи быстро. Без разбору швыряя все подряд в чемодан. Дорожную сумку.

Нет, с этим человеком мне точно больше не по пути. Наш ребенок появится на свет. Будет жить в достатке, я все для этого сделаю. И пусть будет нелегко, но я постараюсь справиться. Это мужчинам без женщин не выжить, а мы... сильные. Я все осилю, чего бы мне это не стоило.

Спустя двадцать минут, я уже стою в дверях собственной квартиры. Где-то на уровне подсознания появилось стойкое ощущение того, что я сюда больше не вернусь никогда. В груди кольнуло пустотой. Скручивая нутро в тугую спираль, внутри появилась тоска. До сих пор не верилось в то, что все это происходит со мной. Что шесть дней, пока меня не было дома, смогли перевернуть всю мою жизнь с ног на голову.

Почувствовав, вибрацию телефона в кармане, поняла, что пора. Таксист ждал у подъезда.

Дотащила сумки до лифта. Закрыла дверь и, подняв половичок возле входа, положила туда ключ. Лучше сжечь мосты сразу. Без возвращения.

Затащив чемодан и сумки в лифт, зашла в кабинку. Кинула последний взгляд на дверь и ...

Пулей выскочила. Отбросив в сторону коврик, схватила ключи и сунула их в карман. Пospешила обратно.

Обдумывать свой поступок не хочу. Не сейчас. Просто вдруг интуиция подсказала, что так надо. Зачем? Не знаю.

Спустившись на первый этаж, выставила тяжелую ношу за дверь....

– Вам помочь? – неожиданно услышала голос, подняла голову.

У меня по спине прокатилась стая мурашек. Волнение застряло в груди. В нескольких метрах от меня стоял Герман. Охранник того мужчины, который забрал вчера Светлану.

– Что? – срывающимся голосом спрашиваю.

– Помочь? – он сделал шаг в мою сторону, а у меня от его низкого, до дрожи в коленях пугающего голоса, все волосы на теле наэлектризовались, заискрились.

– Нет, я не об этом, – сухим от волнения голосом спрашиваю. – Что вы тут делаете?

Мужчина глянул на меня с насмешкой. Отодвинул меня в сторону, прошел в подъезд, забрал дорожную сумку.

– Это все?

– Да, – растерянно стою, пялюсь на то, как он попутно забирает мой чемодан и будто тот ничего не весит, несет его к черному внедорожнику.

– Эй, девушка! Такси вы вызывали? – выкрикивает из автомобиля припаркованного у бордюра таксист.

– Подождите минуточку! – отвечаю водителю и бегу за Германом.

– Эй! Погодите.

Но мужчина уже закинул мои вещи на задние сиденье, повернулся ко мне лицом. Я остановилась как вкопанная. В его расширенных зрачках отражался белый хрустящий снег, мое взволнованное лицо и больше ничего. Пустота.

– В машину, – скупое, одной фразой указывает.

– Нет, постойте, так дело не пойдет. Я с вами никуда не поеду. И вообще, отдайте мои вещиии... ой! Ой! Отпустите меня!

Взвизгнув, забрыкалась, оказавшись перекинутой через плечо Германа!

Он обхватил мои ноги. Зафиксировал! А у меня закружилась голова!

– Да, что такое! Вы не имеете права со мной так обращаться! Поставьте меня! Немедленно!

– Эй! Мужик! – вдруг слышу голос водителя такси.

Я замолкла, обмякла. Потому как чувствую напряжение мышц Германа животом, даже через пуховик.

– Отпусти девушку! Ты что творишь?!

Услышала скрип. Можно было подумать, что это снег под ботинками, но нет. Это клацнули зубы Германа.

Он сделал несколько широких шагов. Открыл дверцу машины и загрузил меня на переднее пассажирское сиденье.

– Сиди тихо, не ори, – прошелся по мне взглядом, отчего в животе появилась судорога.

Потянул ремень безопасности. Навис надо мной. И меня тут же захлестнуло волной паника. Зажмурила глаза. Затаила дыхание. Рот наполнился ментоловым запахом одеколона мужчины. Сглотнула слюну, прогоняя приступ подступающей тошноты.

Нужно расслабиться, Ася! А иначе произойдет непоправимое, – одернула себя.

Мужчина управился в два счета, как будто для него это был пустяк.

Не глядя больше на меня захлопнул дверь. Направился к таксисту. Я, замерев в ожидании чего-то нехорошего, сама не заметила, как подалась вперед, вытягивая шею.

Герман стоял ко мне спиной и загораживал собой весь обзор.

Мне стало страшно за водителя. Герман, как медведь гризли, возвышался над беднягой и я была уверена, что ему вообще ничего не стоит просто стукнуть таксиста по лбу, чтобы тот отбросил коньки.

Ох! Нет, я так не могу. Ведь жизни водителя угрожает опасность из-за меня. Я не прощу себе, если с ним что-то случится.

Я отвлеклась всего на миг, чтобы освободиться от удерживающего меня ремня, когда вдруг услышала дикий свист покрывшей. Подняла взгляд. Герман направлялся к внедорожнику, а такси как будто ветром сдуло.

Мамочка! Замерла в той позе в которой была, зависнув на мужчине.

Он вообще человек? Таких же не бывает?!

Высокий. Сильный. По-звериному опасный. Он, как голодный хищник, двигался пружинистым размеренным шагом, стремительно приближаясь к машине. В его глазах, чёрных, как два пламенных угля, можно было задохнуться от страха. Я поспешила опустить взгляд. Но это не помогло. Я вдруг задрожала. Мне впервые приходится так тесно общаться с подобного рода людьми или ... бандитами?

И я не знала как нужно себя вести, ведь этот Герман — полная противоположность мужа! Что же делать!?

Дверь открылась, впустив в салон автомобиля белый хоровод снежинок и холод. Икнула! И тут же вжалась в сиденье.

– Замерзла? – покосился на меня мужчина.

– Не-ик-ет, – вылетело изо рта и я тут же его накрыла ладонью.

– Смотри не надудонь на сиденье от страха, – хмыкнул мужчина и, включив обогрев салона на полную мощность, подмигнул мне.

Добродушно?!

Мне кажется, у меня и правда от страха в глазах начало мерещиться.

Я осторожно пододвинулась к двери.

– Куда вы меня везете? – судорожно спросила, дотрагиваясь до края куртки.

– Ну, вроде как на работу.

Отвечает Герман. У него с лица не сходила ухмылка. Веселиться, чтоб его. А мне не до веселья. Руки трясутся. В голове полный хаос.

– Но мне нужно сначала вещи отвезти, – покосилась на него.

– Хорошо, – скупое согласился со мной.

Перестраиваясь в крайнюю полосу, Герман разворачивается и едет по направлению к моему временному жилью.

Печка в машине греет знатно и уже через десять минут я полностью размякнув, будто хлебушек в теплом молоке, растеклась по сиденью. Теперь жутко хотелось спать. Бессонная ночь давала о себе знать, да и испытанный стресс от встречи с пока еще мужем и подругой тоже.

– Вот, – внезапно на мои колени лег белый конверт.

Меня аж затрясло. Что это? Деньги? Зачем? Или за что...

– Что вы себе позволяете? – мой голос дрожит от возмущения. – Вы меня пытаетесь купить? Или заплатить? Что это?

У Германа вытянулось лицо. И по тому какой он бросает на меня взгляд я понимаю, что сморозила несусветную чушь. Щеки покраснели. И чем дольше мужчина молчал, тем ярче они разгорались.

– Нет?! – бормочу и онемевшими пальцами открываю конверт.

– Это распоряжение от Светланы Петровны, – глухо, с вибрацией в голосе отвечает Герман.

И я чувствую, что ему с трудом удастся сдерживать смех.

Боже, какая глупость вылетела из моего рта. Я готова провалиться сквозь землю. Готова сделать все что угодно, лишь бы затолкать эти обвинения обратно.

– Простите, я немного расстроена, – смущаясь произношу, полностью сосредотачиваясь на том, что держу в руках.

– Да, я все понимаю. Не принимай близко к сердцу, – хлопает меня по плечу мужчина.

У меня под тяжестью его ладони затрещали кости. Поморщилась.

– У меня был тяжелый день и ... ночь.

Специально делаю акцент на последнем слове, зачем? Надеюсь, что его загрызет совесть!? Но таких, как он, вряд ли такое замечание тронет.

Впрочем, в подтверждение моих слов, Герман лишь скользнул по мне снисходительным взглядом. И за всю дорогу до дома, а это еще десять минут, между нами не было произнесено ни слова.

Когда машина затормозила возле подъезда, я даже и не сомневалась в том, что Герман мне поможет донести вещи до квартиры. Зайдя в коридор, мужчина, сделав пару широких шагов, заглянул вглубь.

– Никого нет, – поспешила ответить я и, прошмыгнув мимо, забежала в гостиную, подхватила свой саквояж для работы и вернулась тут же обратно. Герман, уперевшись в стену плечом, молча наблюдал за мной.

– Я готова, – засуетилась в дверях, пытаюсь обойти Гризли так, чтобы не прикасаться к нему.

– А где твой муж?

Вопрос был настолько неожиданным, что я не сразу сообразила, что он был адресован мне, хотя кроме нас двоих в квартире никого больше не было?!

Спину прожигал пристальный взгляд мужчины. От него шли по спине наэлектризованные мурашки, покрывая лопатки, позвоночник, собирались в тугую спираль на пояснице, скручивали талию стальным обручем.

Я медленно повернулась к нему:

– Зачем вам это? – мой голос показался мне абсолютно чужим и будто не моим, хриплый, злым.

– Ну, кольцо-то на пальце есть, а мужа не видно. Все бегаешь куда-то, переезжаешь. Случилось что?

– Мне кажется, сейчас вы суете нос не в свое дело, – цежу сквозь зубы, глядя на него снизу вверх. – Я не намерена обсуждать свою личную жизнь с посторонними людьми.

Здоровяк ухмыляется, вскидывает бровь. Оценивающе смотрит.

– А ты остра на язык. За словом в карман не лезешь. Не удивительно, что мужик свалил от тебя. Запилила беднягу?

Меня обдает жаром от его нахальных слов. Как он быстро сделал выводы. Ничего не скажешь.

– Да я смотрю вы, Герман, сотканы из мужской солидарности, – зло ухмыляюсь. – Или что, по себе судите? Сами жену бросили ради короткой юбки? -кидаю ему дерзко.

Лицо мужчины мгновенно превращается в маску. Глаза темнеют, наливаются гневом.

На скулах играют желваки.

– Пошли, чего затормозила, – грубо бросает он и, тесня меня в узком проходе коридора, первым покидает квартиру.

Вот как... задела значит за живое. Ну и пусть, прощение просить не буду. Пусть в следующий раз тоже думает, что говорит. Мне было крайне неприятно слышать в свой адрес подобные высказывания. Вот пусть теперь жуёт.

После нашей короткой перепалки, Герман уже не так учтив и заботлив. Не дожидаясь меня он спускается по лестнице. Я же, захлопнув дверь, еду в лифте. В голове все еще прокручиваю разговор с ним. И мне становится любопытно, что же могло произойти такого между ним и его женщиной, раз он так разозлился?

Я пытаюсь самостоятельно сесть в машину. В высокий внедорожник не так легко забраться. Но мужчина мне не спешит на помощь, просто сидит и ждет, когда я перестану корячиться и уже усядусь на сиденье.

Как только за мной захлопывается дверь, джип в ту же секунду срывается с места. Вцепляюсь мертвой хваткой в дверную ручку и, выпучив глаза, пялюсь на дорогу.

– Это лишнее! Нам некуда спешить, – выдаю со свистом.

Но мое мнение, конечно же, не ставят в расчет. Герман, игнорируя мои слова, лихо лавирует на предельной скорости по заснеженным дорогам нашего городка.

И те немногочисленные машины, которые встречаются на нашем пути, просто шарахаются в стороны, видя такого неадекватного водителя на дороге.

– Хватит! Стой! – взвизгиваю, когда он со свистом тормозит перед пешеходным переходом, который перебегают собака с двумя щенками.

Зажмуриваю глаза, потому как машина продолжает двигаться не останавливаясь.

К горлу подкатывает горький комок. Он ее сбил? Точно сбил. Потому что оказавшись под колесами внедорожника вряд ли можно выжить.

Я распахиваю глаза, как только чувствую, что машина останавливается. Припадаю лицом к лобовому стеклу и ... боже... это чудо! Собака скалясь вылетает из-под колес, за ней — два щенка. Она с лаем перебегает дорогу и сразу же скрывается в зарослях кустарника на обочине.

– Вы больной, – не сдерживаясь, кидаю обвинение в сторону мужчины, подхватываю саквояж с инструментами и уже хватаюсь за ручку, чтобы открыть дверь, когда мне на колено ложится огромная ладонь, накрывая практически половину моего бедра.

Я застываю на месте.

Сердце в груди грохочет с такой силой, что отдает пульсацией в висках. Мне становится тяжело дышать.

– Отпустите.

– Моя жена... – выдыхает, и я слышу, как его голос вибрирует от надрыва, он не хочет говорить, но зачем-то себя заставляет.

Не дышу.

– Она – редкостная дрянь. Не женщина. Потому что нормальная баба не откажется от своего новорожденного ребенка и не сбежит.

Он почти прорычал последние слова, а я так и осталась сидеть, заледеневшая от услышанного, на сиденье и слова вымолвить не могла.

Он говорит что-то страшное. Нереальное. Да такого просто быть не может! Я не могу в это поверить!

Я прихожу в себя от длинного, громкого сигнала. Вздрагиваю. Перевожу взгляд на мужчину. Щурю глаза.

– Извините. Я доберусь до работы сама, – говорю осипшим от пережитого и услышанного голосом, открыв дверь, выскальзываю на улицу.

Меня тут же пробирает до костей мороз. Запахиваюсь плотнее и, не оборачиваясь, иду в сторону остановки. До работы мне еще ехать как минимум три остановки — пешком их не преодолеть.

Уже через пять минут я чувствую, что закоченела, как сосулька.

Зуб на зуб не попадает — в прямом смысле этого слова. Вжала голову в плечи. Нахохлилась, как воробей. Смотрю одними глазами в ту сторону откуда должна подъехать маршрутка. Дрожу.

Чертов автобус, где же ты?

Черный внедорожник замечаю сразу, как только он появляется на горизонте.

Это точно Герман. Тут и гадать не нужно. А я почему-то была уверена, что он развернется после своих откровений, и уедет.

Но... автомобиль останавливается прямо напротив остановки. С опаской смотрю по сторонам. И делаю на всякий случай несколько шагов назад. Словно это поможет скрыться.

Пассажирская дверь резко открывается и оттуда доносится:

– Иди. Садись, – сухо, грубо и громко.

На меня с любопытством оглядываются люди. А я, несмотря на то, что замерзла, краснею, смущаюсь и отворачиваюсь. Глупости какие. Зачем он это делает?

– Эй, Ася! Долго тебя еще ждать?

Меня словно током пробило от того, как прозвучало из его рта мое имя. Я почему-то и не замечала до этого момента, что он меня по имени не называл.

Недовольно поджала губы и твердым шагом направилась к машине. Ну, игнорировать его просто уже было смешно. Толпа ротозеев уже начала перешептываться. А я этого не люблю. И пусть я не особо известна в нашем городке, но имею большой круг знакомых и то, что происходит в данный момент — из ряда вон выходящее.

– Ну, зачем вы меня позорите, Герман, – кидаю ему с претензией, когда забираюсь в автомобиль и краем глаза замечаю, что к остановке подкатывает моя маршрутка в тот момент, когда мы как раз отъезжаем.

Надо же!/? Какая подстава. Не могла разве чуточка пораньше приехать, – проскальзывает досадная мысль.

– Не я тебя, а ты сама себя. Упрямая, как ослица, – косится он в мою сторону.

Уму непостижимо. Поджимаю губы. Но в ответ предпочитаю помолчать. Чего можно ожидать от обиженного мужчины!/?

Мы едем молча. Но когда до салона остается несколько минут езды, я все же не выдерживаю и спрашиваю.

– Мне нужно связаться со Светланой Петровной. Дайте новый номер ее телефона. Старый не отвечает.

Выжидающе смотрю на него. Мужчина напрягается. Я это вижу по его заострившимся чертам лица и по тому, как его мощные пальцы сжали руль.

– Вы что-то скрываете? – закрадывается подозрение.

Герман увеличивает скорость, наверно, тем самым намекая, чтобы я замолчала.

В душе поселяется тревога. Он что-то не договаривает и этот факт заставляет нервничать. Куда могла подеваться Светлана Петровна с дочкой? Может быть ее похитили? И удерживают силой? Я открываю рот, чтобы задать вопрос, но Герман резко тормозит прямо напротив салона.

– Пока связь со Светланой Петровной будете держать через меня. Все остальные инструкции ты получишь позже, Малинка, – весело хмыкает мужчина, стреляя в меня глазками.

Я от удивления открываю рот. Напряженность в его взгляде и позе испаряется, уступая место озорству.

И это смотрится немного нелепо. Он большой. Сильный. Невероятно brutalный. Я вообще не могла представить его с мальчишеской улыбкой на лице. Но то, как она украшает, смягчая его мужественные черты лица, забавляло. В голове становится странно пусто, а грудь обдает теплом.

Невольно улыбаюсь в ответ, спрашиваю:

– Почему малинка? – вскидываю бровь и... о Боже, я ему кокетливо что ли улыбнулась при этом? Как ему вообще можно улыбаться? Он же грубый, неотесанный мужлан!

Щеки тут же вспыхивают и я, смутившись, дрожащими пальцами подхватываю саквояж, дергаю за ручку и в буквальном смысле скатываюсь на асфальт. Не успела упасть лишь только потому, что вовремя уцепилась за высокий порожек.

– Потому что пахнешь малиной, – слышу прежде, чем захлопнуть дверь.

Я торопливо переставляю ноги, семена к салону. Как же все это неловко, черт побери. Когда за моей спиной стоял Вадик, мужчины на меня даже не обращали внимания. Хотя... это я им не давала ни малейшего повода, а сейчас? Что со мной творится? Откуда взялась эта развязность?

Раздрай чувств в душе меня настолько отвлекает, что зайдя в салон, иду сразу в раздевалку, не здороваясь с девчонками.

– Что совсем голову от любовника потеряла, что даже по сторонам не смотришь?

Я замираю. Смотрю в сторону Алисы.

Сидит нагло лыбится. Щурится ехидно. У меня от возмущения губы задрожали.

– Что ты тут делаешь? – цежу сквозь зубы.

Алиса отталкивается от кресла, идет к окну. Во всем ее облике чувствуется какое-то презрение и превосходство.

Она сдвигает жалюзи в сторону. Ее взгляд застывает.

– А он ничего такой. Симпатичный. Видный. Богатый. Не то что Вадька. Давно с ним знакома? – резко поворачивается ко мне Алиса, а моя челюсть болтается от ее слов где-то в районе пола. – Познакомишь?

Подмигивает. Стремительно направляется в сторону выхода.

Глава 5

Хватаю ее за запястье в тот момент, когда она уже берется за ручку. Вскользь бросаю взгляд в стеклянную дверь. Герман стоит возле машины. Курит. Пронзительно вглядывается в наши двери.

У меня на затылке зашевелились волосы. Зачем он вылез? Он что-то хочет? Я смотрю на него с замиранием сердца. И знаю наверняка, что он не видит в этот момент - мой изумленный и Алисин заинтересованный взгляды. Но отчего же тогда сердце оглашено бьется в груди, оглушая меня?

– Ну что? Боишься что ли? – хмыкает любовница мужа, вырывая руку из моих пальцев.

– Что ты несешь? Это охранник моей начальницы. Он подвез меня, – буркнула. – А ты что здесь делаешь? Зачем пришла?

В зал заходят Вероника и Марина - сегодня, видимо, их смена.

– О, привет, дорогая! – кидается ко мне Марина и я, натягивая улыбку, отступаю от Алисы.

Девушка меня поздравляет с возвращением!
– Ну что? Заняла первое место? Давай, хвались же?!

Немного смущаюсь. Я хоть и человек с опытом, и не раз побеждавший, до сих пор краснею, когда приходится говорить о своих достижениях.

Девчонки радостно курлыкают вокруг меня. Подначивают показать награду и я, на мгновение забыв о том, что в нашей компании находится враг, лезу в саквояж и достаю оттуда кубок и сертификат.

Маринка восхищенно округляет глаза, забирает кубок и в этот момент... Боже, откуда он там взялся ума не приложу, на пол падает плоская тонкая полоска теста.

Вспыхиваю. И пока никто не обратил на него внимания, наклоняюсь чтобы поднять, но на долю секунды меня опережают проворные пальчики любовницы моего мужа.

– Вот это новость, – с придыханием выдает она и полный злорадства взгляд упирается в мое побледневшее лицо. – Это Вадик?

Удерживает полоску между двумя пальцами, тычет ей в меня. Губы искажает гнев.

– Не твое дело, – цежу сквозь зубы, выхватываю тест и поднимаюсь.

– Ой, что это? – кивает Вероника.

Наша с Алисой потасовка не остается незамеченной.

– Боже! Ася! Неужели?! – вскидывается Марина.

Я не особо скрывала то, что хочу ребенка. Но из-за того, что Вадик волновался за наше будущее, мы оттягивали с беременностью. Девочки об этом знали. И новость о моей беременности была для них сродни той, что я выиграла джек-пот в лотерею.

Меня с головой выдают заплывшие румянцем щеки.

– Теперь твоему муженьку не отвертеться, – хмыкает Вероника и заключает меня в объятия. – Алис! А ты что вся на взводе? Тебе нервничать нельзя. Случилось что?

Девушка поджимает губы. С презреньем щурит глаза.

– Это ничего не изменит. Поняла?! Ничего! – злобно выкрикивает и уже Веронике: – Засунь знаешь куда свою заботу?! Ей, – кивает на меня, – в задницу!
Вихрем вылетает из салона и, преодолевая сопротивление механизма, установленного на двери, с силой ее захлопывает.

– Что с ней?!

Коллега в недоумении смотрит вслед Алисе. Девушки знают, что она — моя лучшая подруга и нашу дружбу наблюдают не один год, поэтому ее поведение для них сейчас удивительно.

– Какая муха ее укусила? Или гормон беременности в голову ударил?

А я, закусив губу, наблюдаю за тем, как Алиса с ходу подлетает к Герману. И указывая на салон, что-то безудержно говорит ему. И с каждым словом мужчина все больше хмурится. У меня закрадываются нехорошие предчувствия. Что она там ему плетет?

– Ася? Что происходит?

Выдергивает меня из созерцания парочки взволнованный голос Марины. Я перевожу на нее затуманенный слезами взгляд:

– Алиса беременна от Вадика, – это все, что получается сказать, а потом меня оглушает визг шин и рев мотора. С колотящимся в груди сердцем, провожаю взглядом сорвавшийся с места черный внедорожник.

Неужели и Герман поддался ее чарам?!

Проскальзывает в голове дразнящая мое самолюбие мысль и застревает в подсознании колючим шипом.

– Да не может этого быть?! – удивляется Марина.

– Это неправда! – вторит ей Вероника.

– Я лично их застала. У нас в квартире, – отвечаю сухо.

И сама удивляюсь потому что нигде не ёкнуло.

– Вот дрянь.

– Я в шоке, – округляет глаза Вероника. – И после этого, эта стерва еще ходит живой? Да еще наглости хватило на работу к тебе заявиться?!
 Ника всплескивает возмущенно руками.

– Да я б этой дряни все патлы повыдирила!
 – Уже, – перебиваю ее. – Только толку ты видишь... ноль!

Голос повышается вопреки моему желанию. Девушки подхватывают меня с двух сторон. Ведут к креслу.

– Ну, а Вадька? Он что? Что сказал? Господи, как подумаю, что мой Мишка так со мной может поступить. Мне дурно становится, – вдруг ахает Марина, оглядывая меня жалостливым взглядом.

– Марин, не выдумывай, пожалуйста. И не дави на больное, – цыкает на нее Вероника.

– Вадька сказал, что я предательница и все сделал мне назло.

Тяжелый выдох срывается с губ.

– Вот скотина треклятая. Вот мужичье. И что теперь? Ты-то беременна от него? – не отстает Ника.

– Конечно от него! – вскакиваю с кресла так резко, что коллеги рассыпаются в стороны. Подхожу к графину с водой. – Все очень сложно у нас. И я не знаю что делать.

Плеснув жидкости, осушаю стакан до дна.

– Что-что? Гнать эту заразу палками, а мужику хер прижать, извините за выражение, да и дома посадить! – возмущается Марина. – У вас же ипотека!

Я кошусь в ее сторону. Молоденькая совсем. Импульсивная. Исполненная юношеским максимализмом. Упрямо выдвинув подбородок вперед, смотрит на меня воинственно.

– А ты бы смогла простить? Измену! – сглатываю застрявшие в горле слова.

– Я, – вдруг тушется. – Я даже не знаю?! Я так люблю Мишку, что кажется прошу ему все, – пожимает плечами. – Дура, знаю. Но я без него не смогу.

Хмурю брови. Прислушиваюсь к себе. Пытаюсь различить, хоть какой-то отклик на ее слова. Но нет. По-прежнему тишина. словно отвернуло от него после нашей утренней встречи.

– И я думала, что не смогу, но ты знаешь, когда вскрывается обман и прокатывается по тебе катком, все исчезает и любовь, и привязанность, и....

Я замолкаю. Черт, что я несу?! Во мне сейчас, видимо, говорит обида, потому как сердце вдруг подскакивает к горлу и начинает громко колотиться, когда краем глаза выхватываю знакомую тень за стеклом.

– Ася?! Что с тобой? – встрепенулась первой Вероника, подскочила ко мне и вовремя подхватила стакан, который у меня выскользнул из пальцев. – Тебе нехорошо?

В этот момент открывается дверь, “китайский ветерок”, подхваченный потоком ветра, издает мелодичный звук. В помещение стремительно заходит мужчина.

Пячусь назад, а сердце опускается в пятки при виде перекошенного недовольством лица мужа. Его глаза впиваются в меня, как клещи, готовые в любой момент защелкнуться.

– Ты, как ты смеешь? – в несколько широких шагов он сокращает расстояние между нами, нависая надо мной. – Что ты о себе возомнила? Хочешь, чтобы у Алисы был выкидыш?

Я в шоке от его обвинений широко открываю глаза:

– Ты бредишь?

– Эй, Вадик? Пыл умерь! Вообще-то, это твоя любовница...

– Рот закрой, – рычит на Веронику, а меня хватая за плечо и толкает к выходу.

– Отпусти! Мне больно! – перехватываю его запястье, упираюсь ногами в пол. – Я никуда с тобой не пойду!

Но он игнорирует мои сопротивления и тащит к выходу.

– Вадик, остановись! Или я вызову полицию! И вообще, ты сраный изменник! А ну отпусти ее!

Окликает его Марина и угрожающе размахивает телефоном, подступая к нему слева.

– Ты в своей семье сначала разберись, а потом в чужую лезь, бестолочь, – отмахивается от нее, как от надоедливой мухи, Вадим, не сбавляя шага.

– Что ты сказал? – взвилась Марина. – Отвечай! Что ты знаешь?

Я пытаюсь вывернуться из его хватки, но Вадим вцепился в меня крепко, как клещ.

– У мужа своего сама поинтересуйся, а не заглядывай в чужую кровать, – ехидно щерится.

– Боже, Марин, да что ты его слушаешь? Он же, как крыса — сам на дно и других за собой хочет утянуть, – успокаивающе говорю подруге.

Неожиданно... Толчок... Спиной врезаюсь в стену... Ударяюсь затылком о бетон. Аж из глаз звездочки посыпались... Вадим придавливая предплечьем мне шею, склоняется к лицу, зло шипит:

– Ты шлюшка продюсерская, жало свое завали, иначе такой слух про тебя пушу — не отмоешься...

Закатываю глаза. Начинаю задыхаться. Паника и страх подкатывают к горлу, выталкивая хрип изо рта.

– Придурок. Отпусти. Я задыхаюсь.

– Да пох... хоть сдохни, шалава...

Вадим не договаривает, так как ему в челюсть слева прилетает огромный кулак Германа.

Муж тяжелым кулем отлетает в сторону и заваливается на бок.

Я же, складываясь пополам, хватаю воздух.

– Ты кто?! – сипит Вадим, держась за кривую челюсть.

Герман видимо ему ее выбил.

– В пальто... почтальон, не узнал?

Вадим продолжает лежать на полу, корчась от боли. Герман берет меня за плечи, помогает подняться. Меня бьет крупный озноб от пережитого.

– Ась, как ты? С тобой все в порядке?

Голос мужчины низкий, чуть хриловатый. Он внимательно осматривает мое лицо.

– Воооот, я так и думал, что ты шлю-кекхе-ха, – закашливается муж, – ... дрянь гулящая, ненавижу тебя. Алиса всю правду говорила про тебя...

Гнусит Вадим, сплевывая на пол кровь. Я смотрю на мужа и не понимаю, что с ним произошло? Когда он так успел измениться?

– Слушай ты, чмо, закрой свой рот... – обрывает его Герман.

– Или я сейчас и правда полицию вызову, – звучит тоненький взволнованный голос Марины.

– Вызывай, я еще заявление за нападение и причинение ущерба моему здоровью напишу.

Урод, как я теперь на работе появлюсь? – возмущается Вадим.

– Чертяга, какой ты падла гнусавый!

Герман молниеносно оказывается возле Вадима, нависает над ним... Тот сжимается на полу, напоминая бобовую семечку, закрывает голову руками.

У меня же на затылке волосы вздыбились, зашевелились.

– Только не убей его, – просипела.

Герман бросил на меня острый взгляд. Я сцепила зубы:

– Потом неприятности будут, – поясняю.

– Глупышка, – усмехается Герман.

Его длинные пальцы сжимают в кулак шиворот куртки Вадика и та трещит по швам.

Герман одним резким рывком заставляет его встать на ноги и выталкивает его вон с улицы.

Вадик не удерживается на ногах. Скользит по льду и падает лицом в асфальт. А спустя секунду, во все горло начинает орать матом. Герман закрывает плотно дверь. Снова поворачивается ко мне:

– У него мама спит с прокурором.

Смотрю в его глаза. Глубокие голубые.

– А бабушка — подполковник в отставке. Мне конец.

– Эй, роднуля, – Герман обнимает меня за плечи, притягивает к себе, – не дрейфь, прорвемся. А пока пойдешь, умойся. А девочки угостят тебя чайком. Да, девчонки?

– Угу, такого и не грех угостить, – краснеет Вероника.

Ее щеки становятся пунцовыми, а Марина капитулирует в сан.комнату со словами:

– Я пока тут приберусь. Вы проходите. Присаживайтесь. Вот сюда.

Указывает на кресло, в котором десять минут назад сидела я.

– Ась, пошли я тебе помогу, – подхватывает меня Марина и под руку уводит в туалет.

– Чеееерт, Ася! Кто это? – шипит она, и в ее глазах разгорается нешуточное любопытство.

– Друг, – единственное, что могу ей ответить.

Друг, от которого сердце заходится в истерическом припадке. Друг, от которого хочется убежать и спрятаться в какой-нибудь дальний угол. Друг, от близости которого все внутри сжимается и трепещет.

– Ну конечно, друг, – ухмыляется Марина, набирая в ведро воды. – Именно друзья так и поступают, да. И давно ты с ним познакомилась?

Конечно же по тону девушки я слышу, что она ерничает. Все она понимает, но продолжает подыгрывать мне.

– Недавно, Мариш. Но не это сейчас важно. Я переживаю за него. Ты же понимаешь, что теперь будет?!

Стоя возле зеркала, перевязываю растрепавшиеся волосы в хвост. Лицо освежаю теплой водой. Естественно, ни о каком макияже и речи не идет. В таких передрыгах, в какие попадаю в последние дни я, ни одна косметика не “выживет”.

– Ась, ну ты же понимаешь, что это я такая уступчивая, – тянет губы в улыбке девушка, – но Ника так просто не отстанет. Думаешь, не видно по нему, что неместный. Да если б он был из наших краев...

– Герман из Москвы, Марин, – подсушив лицо бумажными салфетками, поворачиваюсь к ней лицом. – Я просто знаю, что он очень непростой человек. И если бы не эта дикая ситуация с Вадимом, я бы предпочла не пересекаться с ним.

– Господи! – со свистом вылетает изо рта Марины. – Ты это делаешь специально? Зачем столько интриги наводишь?

– Девочки! – доносится взволнованный голос Вероники из зала.

– Видимо, одна не справляется с чересчур сексапильной харизмой твоего “друга столичного”, пошли на помощь, – подмигивает мне Маринка и выходит в зал первая, за ней я и

.... тут же врубаюсь в нее. Вскидываю взгляд и у меня сердце бухается в пятки, сбиваясь с ритма, отдается неровными толчками где-то в районе живота.

– Что тут происходит? – стряхиваю с себя оцепенение, выступаю вперед.

Голос у меня неожиданно твердый, звонкий, хотя внутренне я настолько паникую, что не передать словами.

– А вот и она вышла, – слышу гнусавый голос мужа, но его самого не видно из-за широкоплечих полицейских, которые, скрутив Германа, держат его на прицеле.

– Это она - зачинщица, – вякает вдогонку.

– Девушка, вам придется проехать с нами в участок, – грубо кидает мне полицейский, подступая.

– С чего это? Я никуда не поеду. И я прошу объяснить, в чем, собственно говоря, дело? – настаиваю.

– А в том, что это ты организовала на меня нападение вот этого бугая. Ты...

– Вадим?! Ты в своем уме? – моему возмущение просто нет предела. – Это все абсурд!

– Ася, не разговаривай ни о чем. Просто оденься и поехали...

– Закрыв рот, – рявкает на Германа полицейский, который в руках держит автомат.

– Это ты его сегодня закроешь, обмудок, – рычит утробно Герман, передергивая руками, и полицейский не дожидаясь продолжения бьет его прикладом в затылок.

– Господи! Что вы делаете? – вскрикиваю, ко мне присоединяются девчонки. – Он же ни в чем не виноват?!
 Я подхожу ближе.

– Одевайся давай! Сказано же, – недовольно качает головой полицейский.

– Я поеду с тобой, Ась, – выступает Ника вперед.

– Успокоились все! – рявкает полицейский. – Мы что, в курятнике? – борзо осаживает Веронику полицейский. – Выполняем приказ, а то еще статью пришьем за сопротивление органам власти: – Давайте – этого в машину! – командным голосом отдает приказ. Этот у них, видимо, главный. – А ты, со мной поедешь.

Меня всю трясет. Картина вырисовывается совсем не радужная. Германа без сознания волокут к машине, я иду следом. Чувствую себя преступницей.

– Ну что, доигралась? – слышу ехидный смехок Вадима прежде, чем меня посадили в машину. – И поверь мне, дорогуша – это только цветочки. За такое, – он подцепляет свой вывихнутый подбородок, – пойдешь у меня по “этапу” и будешь там зэчек стричь и за ипотеку платить. Поняла?

Глава 6

И если, пока мы ехали до участка, я еще питала надежду на то, что там-то точно со всем разберутся, то, оказавшись в серых неприветливых стенах полицейского отделения, поняла, что выбраться отсюда мне будет непросто.

Мои объяснения, как оказалось, никому не были нужны. Меня, в отличие от Германа, посадили в общую камеру с реальными “нарушителями закона”.

Запах смрада мгновенно пропитал мою одежду, волосы и кожу. Закрыв рот и нос ладонью, я прошла в самый дальний угол. Уперлась плечом в стену.

В голове промелькнула мысль о том, куда могли увести мужчину. Я только краем глаза успела заметить, что его потащили дальше по коридору...

Сердце неожиданно сжалось в комок, стоило только представить, что сейчас может происходить в камере. А вдруг полицейские избивают Германа? Но ведь это несправедливо! Мужчина ничего не сделал плохого?! В отличие от Вадика, он пытался не навредить, а защитить меня!

– Эй, зенсина, – услышала рядом с собой, откуда-то снизу шепелявый то ли мужской, то ли женский голос, было непонятно.

Опустила глаза. На полу, привалившись к стене, сидел молодой парень. Хоть по его одутловатому лицу и трудно было угадать возраст, но я не угадывала — я точно знала. Я узнала парня. Это Ромка - внук моей постоянной клиентки. Мы живем с ней по соседству.

– Рома?! – удивленно шиплю, присаживаясь рядом с ним на корточки. – Что ты тут делаешь? Что с твоим лицом?

Парень часто заморгал глазами. И уже через пару секунд его брови удивленно поползли вверх:

– Ася?! – он подобрался. – Сто вы тут делаете?

– Боже, – схватила паренька за щеки, покрутила в разные стороны. – Тебе... зубы выбили?

Ромка, смутившись, спрятал взгляд.

– Ром, отвечай немедленно! Людмила-то знает, что ты здесь? – у меня все трепещет в груди.

Парень совсем еще ребенок. Ему только-только восемнадцать исполнилось. Разве можно так с ним? Что он мог сделать такого, что с ним так обошлись?

Рома продолжает молчать. Я резко выпрямляюсь. Решительно подхожу к решетке. Выглядываю кого-то из сотрудников полиции. Я этого так не оставлю. Что за беззаконие творится? Я Людмилу и Рому знаю уже больше пяти лет и ни разу не замечала за парнем аморального поведения.

– Товарищи! Тоооварищи! – повышаю голос так, что эхо отзеркаливает от бетонных стен, разносится по зданию.

– Ася, не нужно. А то и вам достанется. Они после праздников совсем озверели. Мы с ребятами куражились, отдыхали в парке на плюсяди. Так они не разобравшись, затолкали нас всех в Уз и сюда привезли. Я тут несколько дней сизу...сизу. Извините, – выдает на одном дыхании.

А потом прикрывает рот, отворачивается. Наверно заметил, как я поморщилась из-за запахов исходящих от него и от помещения в целом. Сдержат отвращения к этим “ароматам” я не смогла.

– Это чистой воды беззаконие! Такое нельзя оставлять без внимания, – цежу сквозь зубы и поворачиваюсь к решетке с тем настроением, чтобы вновь позвать представителей власти. И натываюсь на холодный колкий взгляд бледно-серых глаз невысокого пузатого мужика. Его

лысина на макушке поблескивает в свете люминесцентных ламп. В круглых, больше похожих на пороссячи, глазах нет ни намек на человечность. Красное лицо с пухлыми щеками и тонкими губами, сидело на массивной короткой шее, которую перетягивала пуговица голубой рубашки.

– У вас имеются какие-то претензии к нашей работе, барышня?

Смерив меня блуждающим липким взглядом, остановил его на моих губах. Хмыкнул.

– Да, есть, – вздернув подбородок, смотрю ему прямо в лицо, игнорирую его глумливую усмешку.

– Ну раз есть. Слушаю, – иронизирует.

– У меня к вам вопрос по этому молодому человеку, – сухо говорю.

И по тому, как взлетели тонкие брови полицейского вверх, поняла, что он удивился.

– И что же с ним не так? Он вам кем-то приходится?

– Да. Это мой племянник, – вру без зазрения совести. – Мне бы хотелось знать на каком основании вы его удерживаете здесь и даже не даете возможности позвонить! – Да у нас тут целый семейный подряд, – посмеиваясь, окидывает нас с Ромой общим взглядом. – Значит, один - дебошир и пьяница. Вторая — промышляет организацией заказных преступлений. Прекрасно, ничего не скажешь...

– Прекратите! Это неправда! Зачем вы придумываете!?

В серых глазах промелькнула молния. Челюсть мужчины напряглась. Желваки заиграли. Я прикусила губу, сделала шаг назад.

Цыкнув языком. Мужчина сплюнул через зубы и решетку мне под ноги.

Втянула голову в плечи.

Ох, и не нравится мне его взгляд! Ох, как не нравится!

Полицейский достает ключи, а я делаю еще один шаг вглубь помещения. Здесь хоть и пахнет отвратительно, но это место мне кажется более безопасным, чем где-то там, за его пределами, в серо-голубых коридорах.

Щелкает замок и я вздрагиваю.

– На выход, – цедит сквозь зубы, кивая в мою сторону головой.

– Куда? Я никуда не пойду, – отрицательно качаю головой.

– Я сказал. На. Выход.

– Вы не имеете права со мной так разговаривать. Мне нужен телефон. Я хочу позвонить...

Мужчина стремительно приближается ко мне, хватая за локоть и не церемонясь тянет меня к выходу.

– Черт... – слышу шепелявое за своей спиной, – ... куда вы ее забираете?

– Захлопнись, – рыкнув на Рому, мужчина с силой захлопывает решетку. Поворачивает ключ.

– Ром, не волнуйся, – зачем-то отвечаю парню, хотя сама боюсь до ужаса. – Со мной все будет хорошо.

– Хм, не говори “гоп” пока не перепрыгнула, – маслянистым взглядом осматривает меня полицейский.

У меня по спине поползли мурашки. Что он задумал?

Мужчина грубо толкает меня вперед по коридору. Я, хватаясь за стены пальцами, сопротивляюсь.

– Это ошибка, – произношу сбивчиво.

– Послушай, барышня или как там тебя... Мне по сути плевать за что ты здесь. Поступило заявление. Наша работа маленькая: обезвредить, наказать. А дальнейшими “разбирательствами” и “доказательствами” будут уже заниматься высшие инстанции.

У меня зашло сердце. Инстинктивно положила руку на живот, потому что в мозгу засело одно единственное слово: наказать. Как он собирается это сделать: побьет меня? Или...

Кидаю на него короткий взгляд, а разбушевавшаяся фантазия уже вырисовывает безумные картинки *наказаний*.

Шарахнувшись в сторону, затрясла головой. Ну нет, не может же все быть настолько незаконно?!

– Эй, поаккуратнее, – сально поблескивают глаза мужчины. – Вот и пришли...

Вдруг он резко останавливается возле серой железной двери, вставляет в нее ключ. Замок щелкает. У меня перехватывает дыхание. Сердце сбиваясь с ритма, ухает в пятки. Ноги становятся ватными. Слабеют.

– Что это!? – разлепляю вмиг пересохшие губы.

– Это наши... кхм... ваши апартаменты, барышня, на ближайшие сутки. Прошу...

Распахивает дверь и приглашающим жестом указывает на камеру.

– Я... я не могу туда пойти, – припав к стене, вжимаюсь в нее.

– Послушай меня, малахольная, – он резко подходит ко мне, давя своей едкой аурой и превосходством того, что нахожусь на его территории. – Мне с тобой нянчиться некогда. Давай, заходи, – а сам меня так и пожирает глазенками круглыми.

– Я беременна, – говорю на выдохе. Это один единственный козырь, который у меня был и который я решила достать, – если что-то случится с ребенком — я вас засужу.

Мимолетная оторопь проскользнула в глазах полицейского. Он на мгновение замер. Я наблюдаю за тем, как его терзают сомнения. Его взгляд внимательный, цепкий, как будто в самую душу пытается заглянуть, изучающе смотрит на меня. Проходит несколько минут, прежде, чем он начинает говорить.

– Постой здесь. Мне нужно позвонить. И смотри: ни шагу в сторону, а то побег пришью. Договорились?

Судорожно втянув воздух. Киваю. И чувствую, что сердце вновь начинает биться на том же месте. В груди.

Мужчина заходит в камеру, *в которую несколько минут назад предлагал зайти мне*, и даже на расстоянии слышу как идут гудки. Кому он звонит?... Прислушиваясь, затаиваю дыхание.

Секунда. Две. Три и:

– Какого черта твоя жена утверждает, что беременна? – глухо шипит полицейский.

А у меня все нутро скручивается в тугой узел от услышанного.

Он только, что сказал Вадиму, что я беременна!

Накрываю рот ладонью: что же я натворила? Почему не подумала прежде, чем сказать, что этот полицейский может позвонить мужу!

– Приедешь?!... – сквозь пульсирующий в ушах шум, слышу обрывочное, – ... давай, жду...

И уже переступая порог: – Придурок, мать его, – зло сплевывает.

Сажу в кабинете следователя. Напряжение и тревога натягивают нервы до предела. В кабинете я одна. И это еще больше пугает. Не знаю чего ожидать.

После разговора полицейского с Вадимом, мужчина сразу же привел меня сюда. Указав на стул возле стола сухо приказал: “жди молча”.

Но, как только за ним закрылась дверь, я тут же вскочила на ноги, “забегала” по кабинету. Меня штормит от эмоций, бушующих в душе. Меня пугает встреча с Вадимом. Я не готова к разговору с ним о своем интересном положении, потому что он ведет себя неадекватно. И что он выкинет в тот момент, когда зайдет сюда я не знаю, да и знать не хочу.

Подхожу к стулу. Сажусь, вытянувшись в струнку. Застываю. Что же делать?!

Озираюсь по сторонам. Может мне уйти? Ну, незаметно?! А вдруг получится?!

Щелчок замка в двери оглушает. Опоздала.

Зажмуриваю глаза. Мне в макушку словно разряд электрического тока ударяет. Позвоночник становится каменным. Не могу даже шею повернуть. Я почему-то уверена, что в кабинет зашел Вадим. Выпрямила плечи, выпятила грудь вперед. Сцепила пальцы рук в замок. Поджала пальчики на ногах. Жду.

Инстинкты вопят. А от напряжения, даже над губой выступили капельки пота.

– Эй, – дергаюсь, как от удара током.

Сердце грохочет, будто в него саданул разряд 220 вольт.

Резко поворачиваюсь. В дверях стоит Герман.

Я подскакиваю с места.

– Боже! – накрываю рот ладонью. – Что они с тобой...

– Так. Стоп. Стоп.

Мужчина стремительно сокращает расстояние между нами.

По мне же вдруг пробегает волна крупного озноба. Ноги становятся ватными. Неустойчивыми. Оступаю. Но Герман вовремя успевает поддержать меня.

– Ася! – его голос холодный, грубый.

Он встряхивает меня. Не сильно, но этого достаточно, чтобы моя голова на плечах заходила ходуном.

– Зачем они тебя так побили? – поднимаю глаза на мужчину, судорожно всхлипнув.

Чувствую, как из уголков глаз полились дорожки горячих слез. В глазах все мутится, искажается. Дрожащими пальцами аккуратно дотрагиваюсь до его разбитых губ. И у меня дыхание сбивается, мурашки диким галопом прокатываются по позвоночнику, а потом бурлящей лавой растекаются по пояснице, собираясь внизу живота, когда чувствую, как он целует подушечки моих пальцев.

Его взгляд черный, глубокий, будто бездонная бездна самого океана.

– Ты так побледнела из-за того, что видишь мое побитое лицо? – ухмыляясь, говорит низким, грудным басом.

Я вместо слов просто киваю. Во рту так сухо, что язык к небу прирос и, чтобы хоть слово сказать, нужно сначала выпить стакан или... нет, два стакана воды.

– Малинка, это лишнее. Если ты думаешь, что мне больно, то спешу тебя разочаровать, детка: я уже давно не чувствую боли. Не расстраивайся.

Я не могу спокойно и осмысленно воспринимать его слова. Понимаю, что он говорит это лишь для того, чтобы успокоить меня. Разве может человек, на лице которого совсем не осталось живого места, не чувствовать боли?

– Ну что?! Готова идти домой? – мужчина сплетает наши пальцы, опускает руку, тянет меня на себя.

– Но разве нам можно?

Сухим, карябающим небо голосом уточняю, вскидывая брови.

– А ты сомневаешься?

Качаю головой. Нет. Я в нем не сомневаюсь ни на секунду. И верю ему так же, как себе. Почти.

– Но разве... Не нужно дождаться следователя? Подписать бумаги? Можно просто идти? Мне почему-то этот момент совсем не дает покоя.

Герман окидывает меня лукавым взглядом. На его губах играет загадочная ухмылка, а в глазах искрится огонек.

– Давай проверим. Хочешь?

Мы подходим к двери. Герман открывает ее. Выходим в пустой, холодный коридор. Там полумрак. Нет ни души.

Герман уверенным шагом ведет меня вглубь. Я же, затаив дыхание, следую за ним. Пролет. Еще один. И никого. Странно и... жутко одновременно. Ёжусь.

Еще один поворот и мы с Германом стоим на выходе. Из рта вырывается рваный вдох.
– Нам точно можно выйти?

Герман толкает дверь и мы оказываемся в объятиях снежных, морозных сумерек.

Снежный вихрь закручивается вокруг нас. Колючие снежинки холодят кожу лица и головы. Делаю шаг в сторону мужчины, а он меня неожиданно обнимает, пытаясь защитить от ненастной погоды. Щуря глаза, жмусь к нему ближе, меня колотит. Нет, не от холода, а от того, что прямо перед нами на тротуаре стоит Вадим.

– Не бойся. Он не тронет тебя, – басит Герман, подталкивает меня к так вовремя подкатившему такси.

Я делаю несколько неуверенных шажков, а Вадим, зеркала меня, делает то же самое.

– Боже. Только не это, – бормочу под нос.

Вадим преграждает нам путь, когда мы подходим к такси.

– Мне нужно поговорить с тобой, – говорит холодно, смотрит злобно.

– Слушай чел, ты думаешь, что совсем бессмертный? – наступает на него Герман, меня же прячет за собой.

– Ася, я не знаю, что это за человек. И если он твой любовник мне тоже плевать. Разбейся с ним сама. Но я хочу обсудить твою беременность. Это мой ребенок?

Я чувствую, как дрогнула и тут же напряглась рука Германа, которой он меня прикрывал, после слов мужа.
– Мне кажется, Ася сейчас не в том состоянии, чтобы с тобой разговаривать, – цедит сквозь зубы мой защитник. – И если не уйдешь с дороги, то простым вывихом челюсти точно не отделаешься.

– Послушай ты, герой-любовник или как там тебя. Она моя жена. Понял. И я сам буду решать, когда мне нужно с ней поговорить, а когда нет. И не указывай мне тут.

Я еле успеваю вцепиться в руки Германа. Пытаюсь остановить его:

– Нет. Нет. Герман, не нужно. Я прошу! – звонко, шумно. – Отвали от меня, Вадик! Отвали! Я не хочу с тобой разговаривать. Ни сегодня, ни завтра, никогда!

Вадик, видя всю ситуацию, отскакивает в сторону. И, скалясь, смотрит на меня окрысившись. Германа игнорирует, будто специально злит.

– Ты успокой своего, этого. Из какого он аула вылез. И кулаки свои при себе пусть держит, а то так просто, как сегодня, в следующий раз не отделается. А поговорить тебе со мной все равно придется. Я так сказал, – рявкнул и резко развернувшись пошел прочь.

– Придурок, – бубню, разжимая заledenевшие пальцы.

– Откуда ты его такого откопала, Ася?! – присвистнул Герман, бросая на меня любопытный взгляд. – Он же совсем отшибленный!

– Я не хочу об этом говорить, – отвернулась.

Мне было дико стыдно за Вадика. Муж вообще с катушек съехал. Не узнать. Что Алиса с ним сделала? Как можно было так промыть ему мозги, что они у него в желе превратились? Быдло. Ведет себя, как шпана из подворотни. И на моего мужа совсем не похож.

– Да ладно, не обижайся. Ты еще ж совсем молоденькая, найдешь себе нормального мужика. А из-за этого придурка даже голову себе не забивай. Отбросок, – делает заключение Герман.

– Этот “отброс” пишет научную работу по улучшению ракетного носителя, – отвечаю тихо, Герман не слышит, потому как на мои слова никак не реагирует.

И сама не верю своим же словам. Как Вадим, ведущий инженер-конструктор, молодой перспективный специалист, которому через пару лет светит безбедное будущее мог оказаться таким... таким подонком?

Его мама и бабушка очень старались, столько в него вкладывали, а он... Что он делает? Где его голова? Интересно, свекровь в курсе, чем занимается ее сын? Одобряет ли она это? И знает ли о том, что у него появилась беременная любовница?

– Эй, Снегурочка, ты долго будешь стоять? – горячее дыхание Германа застывает на моем виске.

Качнув головой, постаралась отстраниться от мыслей о Вадике. Не хочу сейчас о нем думать.

– Извини.

Герман помогает мне забраться в машину. В салоне тепло и хорошо пахнет. Сам же он обходит авто и я честно думала, что он займет место рядом с водителем, но нет... мужчина открывает заднюю дверь, усаживается рядом со мной. Он такой большой, что кажется будто он занял собой все пространство. Я подглядываю за ним из-под полуопущенных ресниц. Мне крайне неприятно, что во всем, что происходит между мной и мужем, участвует Герман. Я чувствую, что он заглядывает туда, куда мне бы не хотелось пускать посторонних. Все же семейные дразги — это нечто личное. А в нашей ситуации с Вадимом, будто грязное белье вываливается наружу, и каждый кому не лень, может в нем поковыряться.

Все выходки Вадима такие мерзкие и нечестные по отношению ко мне, что кажется, будто каждый раз он на меня ведро помоев выливает, а все потому, что я оказалась не готова к той его стороне, которой он ко мне повернулся. Его подлость была для меня полной неожиданностью.

– Ася, – вдруг моего лица касается горячая ладонь Германа, и его палец скользит по моей щеке, я ощущаю, как он оставляет после себя влажный след. *Я плачу?!*

Черт! Почему мне так неудобно оттого, что проявляю перед этим мужчиной слабость?!

– Извини, – пытаюсь отвернуться, но Герман удерживает мое лицо в своих пальцах, не отпускает.

– Тебе не за что извиняться, Ась. Думаешь, я таких, как твой муж, никогда не видел? Возможно, я открою тебе великую тайну, Ася, но такие идиоты встречаются на каждом шагу. Я не знаю что у вас приключилось, но могу догадаться. Правда. И поверь, тебе не стоит смущаться и краснеть. Ась. Я не тот человек, которого нужно стесняться.

Боже, он так проникновенно это говорит, с такой искренностью и участием, что слезы рекой текут по моим щекам. Я была так тронута, его ... заботой и пониманием, что удержать эмоции под контролем было просто выше моих сил.

А еще, еще меня наконец-то отпустил страх, которого я натерпелась в полиции...

Стоп. Я, громко всхлипнув, замолкаю. В голове вдруг возникает образ побитого Ромки. Черт! Черт! В последние дни я слишком рассеянная.

– Герман, – я на мгновение забываю о своих невзгодах, вытираю ладонью слезы. – Мы не можем просто так уехать.

Мужчина вздернув бровь, отстранился. Его губы изогнула удивленная ухмылка.

– Ты хочешь отомстить, мышка?

Свела брови вместе?!

– Мышка?! – непонимающе переспрашиваю. – Нет! Нет! Я никому не хочу мстить. Там за решеткой остался парень...

Боже, в этот момент нужно было видеть лицо Германа: его задорная ухмылка сползла с губ, брови поползли вверх, глубокие морщины прорезали лоб. Губы сомкнулись в одну линию, а во взгляде появилось выражение сродни: ну ты и наглая баба.

Еле сдерживая улыбку, я тут же пустилась в объяснения, не давая времени мужчине выдумать того, чего нет:

– Ты все не так понял, – уверяю его. – Это не парень...

– Так ты уж определись, Ася. Кто он?

– Ну, что же такое... Это парень. Да. Но он не в том смысле “парень”, в котором ты подумал.

– Я ничего пока не думал. Я просто слушаю и хочу понять.

– Черт, ну Рома это парень...

- Так. Я запутался. Так он парень или не парень?!
- Смотрит на меня внимательно мужчина, прищутив глаза.
- Черт! – он издевается?! Да, точно, вон и в глазах чертята прыгают, а я, как дура, волнуюсь, переживаю что он меня не так поймет.
- Продолжай, Ась...
- Рома, он внук моей клиентки...
- Ооо... – тянет.
- Прекрати. Это не смешно, – обиженно отзываюсь. – Его нужно забрать.
- Так пусть его твоя клиентка и забирает, – откидывается, развалившись вальяжно на сиденье. – Я не помогаю людям, Ась. Ты – исключение.
- Но...
- Извини, – пожимает плечами. – Но у Старика Хоттабыча рабочий день окончен. Приходите завтра.

Глава 7

Едем молча. Соплю обиженно в две дырочки. Да уж, не ожидала я, что Герман может вот так отказать. Я на сто процентов уверена в том, что это бы для него не составило большого труда. А мне Рому искренне жаль, как и Людмилу.

– Ась, не дуйся, – Герман трогает меня за плечо, но я раздраженно отвожу его в сторону.

– Мне-то что, – резко отвечаю. – Не хочешь помогать – это твое дело. Спасибо хоть за то, что не на мне твои добрые дела на сегодня закончились, – передергиваю его ответ с сарказмом.

– Да что ты такая злюка?!

Толкает меня в спину. Силу, естественно, не рассчитывает и я в тот же миг упираюсь грудью в дверь.

– Черт! Прости!

Герман пытается исправить свой косяк. Обхватывает мои плечи, усаживает в ту позу, в которой я была изначально.

– Да прекрати ты. Хватит, – злюсь, вырываюсь. – Я что тебе кукла? Зачем ты меня трогаешь? Я и сама могу справиться!

Во мне говорят обида на мужчину и негодование.

– Вы можете нажать на газ? – слишком резко кидаю водителю.

– Опаздываешь? – ответил за водителя Герман.

– Да, а что не видно?! – иронизирую.

– Извините, девушка. Гололед. Не хочу подвергать ваши жизни опасности, – спокойным тоном отвечает мужчина.

Не может этого быть!? Все против меня! Даже водитель такси и тот подыгрывает Герману.

Втягиваю нижнюю губу. Закусываю. Прохожусь по Герману взглядом, перевожу его обратно к окну.

Не такой уж ты и благородный, каким казался пять минут назад, – щуря глаза, веду с собой внутренний монолог. – Разочаровал. Расстроил. Зачем? Мог бы просто быть собой. Зачем очаровывал?!

Или...

Я сама себе его придумала? Захотелось почувствовать рядом с собой сильного, нормального мужчину и вот он вдруг оказался рядом: сильный, брутальный красавчик, который может постоять не только за себя, но и за меня и ... все! Лимит у него рассчитан и закончился. Но разве это правильно?

Я так крепко задумалась, разбирая у себя в голове загадочную личность Германа по полочкам, что очнулась и поняла, что мы приехали, только тогда, когда машина остановилась.

– Спасибо, – поблагодарив, поспешила выйти на улицу сама, не дожидаясь, когда мне откроет дверь Герман.

А когда оказалась на улице, поняла, что он и не собирался помогать.

Герман еще несколько минут остается в машине и только после этого выбирается наружу. Я за это время успела окоченеть.

– Эй, Снегурка, ты чего мерзнешь? Спросить что-то хотела? – окликает меня Герман, после того, как такси отъезжает.

Я как стояла, так чуть тут же и не села. Я спросить? Почему я должна была у него что-то спрашивать? Непонимающе захлопала ресницами.

– Нет, – отрицательно качаю головой.

– Ну, тогда беги в салон. А я покатыл. Или ты хотела, чтобы я тебя подбросил домой?

Потерянная, в полном раздоре, я совсем не понимаю что происходит?!

– Я... я думала, что ты зайдешь?! – прокашлявшись, сказала.

И вдруг в одночасье, меня накрывает острое понимание того, как невероятно глупо я сейчас выгляжу в его глазах. То есть подсознательно я все же надеялась. Хотела, по крайней мере, видеть в Германе героя, которым его нарисовала моя фантазия. Но на самом деле оказалось, что Герман — обычный человек. И то, что я придумала себе — это всего лишь сказка. Возможно, даже то, что он рассказал мне про свою жену и ребенка — это тоже вымысел?

Внезапно Герман появляется передо мной, слишком резко, неожиданно. Вздрагиваю.

— Мышонок, — нависает он надо мной, а я смотрю на него снизу вверх, оторваться не могу, не получается. Хочется задержаться в его темно-синих, почти полностью затопленных черным зрачком глазах и не выныривать, — мне уже давно пора. Служба зовет, — мгновение и его губы касаются кожи моей щеки в легком, почти неосязаемом поцелуе. — Ты береги себя, Ась.

Разворачивается на пятках и уходит. А меня диким цунами затягивают эмоции в свой океан, название которого — одно большое недоразумение.

Провожая Германа взглядом, пока тот усаживается за руль. И остаюсь стоять на месте до тех пор, пока его сорвавшийся с места внедорожник не скрывается в сумерках.

Разворачиваясь, направляюсь к салону. Все эмоции сошли на “нет”. Словно Герман увез их все с собой. Оставив мне только способность двигаться и ощущать только свое физическое тело.

Обхватив заледеневшими пальцами ручку, тяну дверь на себя. Мелодия “ветерка” тут же впивается своей переливчатой трелью мне в голову.

Бесит.

Из-за угла выглядывает Марина. И застывает с открытым ртом. Хлопает глазами.

— У нас закрыто! — кричит со своего рабочего места Вероника.

— Еще рано, — кривая ухмылка трогает губы.

Слышу как о кафельный пол, что-то ударяется и следом же мне навстречу выбегает Вероника.

— Ася! — вскидывается, стремительно подлетает ко мне, толкая по пути Маринку в плечо.

— Ася, я...я... извини. Я не ожидала!

Вероника помогает мне снять пуховик. А Маринка, очнувшись, кидается на шею, обнимает.

— Я так боялась... Так боялась...

Девушки крутятся вокруг меня.

— Что там?

— Как там?

— Ну твой Вадик и козел...

— Таких уродов надо еще поискать...

Девчонки возмущаются. Перебивают друг друга. Я же все никак в себя прийти не могу. Все еще в какой-то непонятной для меня реальности нахожусь. Такое все, как будто ненастоящее. Наигранное что ли.

— Все хорошо. Правда, — отвечаю девочкам и, наверно, невпопад, так как потеряла ниточку вопросов, потому что они вдруг обе одновременно замолкают.

— Свекровь приезжала?

— Или бабушка?

— А что с Германом? Почему не зашел?

Перевожу взгляд с одной на другую.

Все-таки мне не показалось, да. И Герман вроде как настоящий. И, получается, все остальное — тоже.

— Нет. Это Герман нас вытащил...

И вдруг, как обухом по голове, снова Ромка в мыслях всплывает.

– Девочки, а телефон? Где мой телефон? Я его здесь оставила, – вскочив с парикмахерского кресла, заозиралась по сторонам в поисках своей сумки.

– В кабинете все, Ась, и сумка, и телефон...

Я пулей метнулась туда. Сумку нашла на столе. Тут же рядом были грамота, сертификат и кубок.

Горько ухмыльнулась. Очень дорого обошлась мне эта награда. Размером с мою семейную жизнь. В голове мелькнула мысль о том, а что было бы, если бы я не уехала? Если бы осталась? Сколько бы еще они от меня скрывали факт того, что Алиса беременна от моего мужа?

– Да пошло все оно...

Случилось так, как должно было быть. И это к лучшему.

Достаю телефон. Лихорадочно начинаю искать телефон Людмилы. Вижу два пропущенных вызова от свекрови. Один неизвестный. Еще несколько телефонов от своих постоянных клиенток. Твою ж налево! Из-за этого гада девочек своих кинула. Немыслимое хамство с моей стороны. Нужно будет позвонить. Извиниться.

– Да, слушаю тебя, Ася, – без всякого приветствия, отвечает хриплым, будто простуженным голосом Людмила.

У меня засосало под ложечкой. А ведь если бы Герман помог, то Ромка уже был бы дома.

– Люда, здравствуйте, вы заболели? – спрашиваю на всякий случай.

– Ой, нет, Ася, что вы. У нас тут такое горе. Такая беда. Рома уже несколько дней не появляется дома.

– Он в центральном полицейском участке, Люда, – перебиваю женщину.

В трубке повисает молчание.

– Люда, вы меня слышите?

– В тюрьме? – срывающимся голосом уточняет.

– Нет-нет. В отделении полиции. Люда, я не смогла его оттуда забрать. Это только вам нужно ехать за ним.

– Господи! – неожиданно голос женщины становится ярче, звонче. – Он жив?

– Жив конечно, – утвердительно киваю. – Люда, только сегодня съездите. Пожалуйста.

– Конечно! Асечка. Спасибо вам большое. Господи! Счастье-то какое, – женщина отключается.

У меня от ее громкого голоса до сих пор продолжает звенеть в ушах.

Неожиданно легче становится на душе. Губы сами собой растягиваются в довольной улыбке.

Надеюсь, с Ромой теперь все будет хорошо. Люда, женщина боевая, настырная. Не даст своего единственного внука в обиду. Так что этим полицейским крупно повезет, если смогут отделаться малой кровью.

Я трачу на телефонные звонки еще десять минут.

Извиняюсь перед клиентками. Передоговариваюсь на запись в другой день.

Мне никто не задает лишних вопросов. Скорее всего делают скидку на то, что только вернулась, не успела отдохнуть и набраться сил.

– Ася, у нас там маленький праздник по поводу твоего возвращения. Пошли. Хватит уже болтать, – приоткрыв дверь, заглядывает в кабинет Вероника, лукаво подмигивает. Я же кидаю на список пропущенных звонков последний взгляд и откладываю телефон в сторону.

Чувствую себя немного виноватой, но сегодня я слишком уставшая, чтобы общаться со свекровью. Поговорю с ней завтра. А сегодня – пусть весь мир подождет. Асе нужно расслабиться.

– Уже иду, – отвечаю коллеге с легким намеком улыбки на губах.

Домой добралась ближе к двенадцати.

От выпитого немного кружится голова и тело в какие-то моменты отказывается слушаться. Приходится держаться ближе к стене, придерживаться.

Благо у Светланы квартира небольшая. Открываю дверь и мне хватает пары шагов, чтобы выйти из прихожей. Сбросив ботинки и пуховик, держу курс в сторону кухни. Пить хочется нереально.

В холодильнике нахожу бутылочку минералки, откручиваю крышечку и залпом выпиваю прохладную жидкость. Агрессивные пузырьки сковывают глотку. Закашливаюсь до слез. Бью себя в солнечное сплетение, чтобы хоть глоток воздуха сделать. Поднимаю глаза к потолку.

Боже мой! Что же со мной творится? Зачем я себя так веду? Ведь знаю наверняка, что завтра будет все так же плохо. Ничего не изменится. Проблема с Вадимом не решится.

Делаю глубокий вдох. И опять слезы на глаза наворачиваются.

В квартире так пусто и тихо, что невольно одолевает грусть и мысли всякие в голову лезут. Беременность. Вадим. Алиса. Развод. Я так, оказывается, всего этого боюсь. Пульс учащается. Жар приливает к щекам. Подумать страшно о том, что будет дальше.

Девчонкам удалось своей беззаботной болтовней отвлечь меня от плохих мыслей о будущем. И я была им за это благодарна. Но каждая из нас понимала, что бесконечно это продолжаться не может. И вечер логично подошел к концу. Прощаться не хотелось. С ними мне было хорошо и легко, несмотря на то, что день оказался диким.

Разъезжались мы по домам в приподнятом настроении. Я надеялась на то, что мне его хватит хотя бы до того момента, когда я рухну спать. А завтра настанет новый день. И новые эмоции. Сегодняшнему же пора бы уже закончиться. Только я немного не подрасчитала и воздействия увеселительного напитка хватило ненадолго.

Обхватив себя руками, направляюсь в зал.

По дороге слышу, как в кармане куртки настойчиво жужжит телефон. Ну и пусть. Не хочу ни с кем разговаривать. Внутри себя чувствую дикое опустошение, ощущение такое, что меня посадили под колпак и я потеряла связь с реальным миром. Ничего не слышу. Ничего не вижу. Все предметы, вещи, звуки - искаженные, картонные.

Сев на диван, замираю. Прислушиваюсь. Телефон продолжает звонить. Но меня это никак не трогает. Так и заваливаюсь набок. В одежде. Обняв себя. Закрываю глаза и проваливаюсь в сон без чувств.

– Ты ненормальная? – орет на меня муж.

Я, еще не успев проснуться, стою в дверях, смотрю на него заспанными, приоткрытыми в щелочки глазами.

Его ор бьет по моему воспаленному мозгу, как молот в набат:

– Сколько время? – хрипло спрашиваю, пытаюсь разлепить глаза.

– Время? Почти восемь... – отвечает и тут же повышает снова голос. – Да похрен мне на время? Почему ты трубку не берешь? Мать меня заклевала из-за тебя!

– Ничего не понимаю?! – пожимаю плечами.

Какая мать? И что черт возьми здесь происходит? Какого ляда он здесь делает в такую рань?

– Уходи, – скупно отвечаю и закрываю дверь.

Зачем я ему вообще открыла? Видимо, до конца еще не пришла в себя и не проснулась. Вадим тут же выставляет руку вперед.

Удивленно вскидываю бровь.

– Вадим. Хватит. Уходи. Ты уже сделал все возможное, чтобы я тебя ненавидела. Что ты хочешь еще? Опять за решетку меня кинуть? Это тебе больше не получится сделать.

Мой мозг начинает просыпаться и трезво мыслить.

Пульс становится чаще. В душе просыпается страх. Сморгнув туманность, вижу налившиеся злобой черные зрачки, прожигающие меня тяжелым взглядом.

– Ты дерзкая такая чего? Не одна? – он вытягивает шею, а я вновь пытаюсь прикрыть дверь.

– Я не понимаю зачем ты здесь, – голос срывается из-за прикладываемого усилия. – И, вообще, как ты узнал, где я?

– Боже! Ты совсем что ли глупая? – Вадим резко, с силой толкает дверь. Я не сдерживаю оборону. Дверь открывается и он заходит в квартиру. – Думаешь, убежав к своей начальнице, ты спряталась от меня?

Он нависает надо мной. По-хамски лыбится.

– Я ничего не думала. И прятаться не собираюсь от тебя. Я просто хочу, чтобы ты от меня отстал, – интуитивно отшатываюсь в сторону выхода, но Вадик опережает меня, выставляет руку вперед, преграждая путь и захлопывает дверь за своей спиной. – Не надо, – качаю головой, пячусь назад.

– Не бойся, Ась, – муж окидывает маленькую прихожую взглядом, удовлетворенно улыбается. – Угостишь своего любимого мужа чаем? – смотрит на меня лукаво, с прищуром.

– Нет у меня чая, – судорожно сглатываю страх.

Но Вадим, не разуваясь, прямо в верхней одежде, прошел на кухню, при этом не забыв заглянуть в зал. Конечно же, там было пусто. И я заметила, как его ухмылка стала еще шире. Вот козлина. Что он задумал?

На всякий случай достаю из кармана пуховика телефон и сжимаю его в ладони.

– Долго тебя ждать-то еще? Да не бойся. Говорю же, что пришел с миром. И попросить прощения.

“С миром?!”

Из его рта это звучит более чем абсурдно. Разговаривать с ним мне очень не хотелось. Боюсь, что наш разговор может перерасти в потасовку или скандал: ни на первое, ни на второе у меня вообще не было желания.

– Ась, ты там по дороге решила “откинуться” что ли?

Вот и снова его эти жаргонные словечки и нетерпеливый тон... Откуда он этого понабрался? Я не могу понять.

Останавливаюсь на пороге кухни.

– Проходи давай. Не бойся. Я сегодня добрый, – муж заваривает себе и мне чай в пакетиках. И как только у него хватает наглости вообще со мной общаться после того, что он натворил?

– Что тебе нужно? – сложив на груди руки, слежу за каждым его движением. Смотрю, не отрывая от его фигуры настороженного взгляда. – Что ты задумал?

– Ты почему вчера не ответила маме на звонки? Она волнуется!?

Он, оставив в покое чайник, перевел взгляд на меня.

– Я не хочу, чтобы она волновалась.

– Ну, так об этом нужно было думать раньше, Вадим. Сейчас уже поздно.

– Что ты имеешь в виду?

Вскидывает бровь. Смотрит на меня изумленно. Прикидывается? Играет? Зачем строит из себя болвана и тупицу совсем непонятно.

– Вадим, ты заигрался, тебе не кажется? Я тебя не понимаю. Зачем ты ко мне пришел? – я смотрю на него, он — на меня.

Сегодня на нем шерстяное серое пальто, помню как покупали его в каком-то дорогом бутике по распродаже. Вадиму оно очень идет. Подчеркивает его мужественные черты лица, хорошую фигуру. И то, какой он кобелина. Черт бы его побрал. Высокий, красивый и чужой.

Этот незнакомец совершенно не похож на моего Вадима, он больше мне напоминает хлыща, который слаб на передок. И тащится за каждой свободной юбкой.

Алиска в конце испортила Вадима. С ней он стал высокомерным, циничным и совершенно бессовестным.

– Что так смотришь? Нравлюсь? Забыла каким может быть твой муж? – нахально улыбается, поправляя пятерней уложенные в молодежную прическу волосы.

– Я слушаю тебя. Если есть что сказать — говори. Нет - проваливай. Мне с тобой некогда возиться. Мне на работу нужно собираться.

В глазах мужа мелькает раздражение. Губы поджимаются в тонкую линию:

– Ты специально это делаешь? – шипит он. – Специально выводишь меня? Зачем? Я же сказал, что пришел с добрыми намерениями, – наступает на меня.

– Вадим, я ... Я хочу чтобы ты ушел, – отступаю. – Я тебе уже сказала, что на развод подам в ближайшие дни. Я не буду мешать вашему с Алисой “счастью”. Ты маму уже обрадовал, сказал что у тебя появилась невеста?

Черт! Зачем я ему это сказала? Муж вспыхнул гневом, как спичка.

– Не смей трогать маму. Ты же знаешь, у нее сейчас тяжелый период в жизни. Я не позволю тебе манипулировать мной с помощью моих родных.

Хрипит мне в лицо. Я хлопаю глазами в недоумении:

– О чем ты? Я даже не думала, – пожимаю плечами, делаю еще шаг назад. Но Вадим перехватывает мою руку подмышкой, тянет на себя:

– Ладно... Все, прости. Я не хотел тебе грубить. Я же тебе сказал об этом. Слушай, Ась, – его настроение вдруг снова меняется, в глазах и в словах появляется лукавство, игривость. С ума сойти можно, – ты действительно беременна? Ну, скажи. Ведь это не мой ребенок? Это ребенок *этого*?! Который был в салоне?

Его слова и взгляд пропитаны надеждой. И я чувствую, что он хочет услышать от меня короткое “да”.

Громко сглатываю. Что ему сказать? Я в растерянности. Не знаю как поступить правильно. Я не хочу, чтобы в будущем Вадим хоть как-то мог мне насолить. Но и не знаю насколько правильно поступлю в отношении малыша, если лишу его отца.

Сердце в груди захватывается. Эмоции хлещут через край. Пульс зашкаливает, отбивая в висках ритм сумасшедшей чечетки.

Я смотрю Вадиму в глаза:

– Я беременна не от тебя, Вадим. Это не твой ребенок, – говорю на выдохе, рвано.

Сердце пропускает удар. И еще. Мне становится трудно дышать. Кажется, что земля под ногами качнулась и я вот-вот упаду.

– Я хотел бы поверить в твою ложь, Ася, – муж чеканит каждое слово. – Но не могу, – кривит губы. – Я не подпишу бумаги на развод до тех пор, пока точно не буду уверен в том, что твой ребенок не от меня.

Меня пронизывает оторопь. Спазм перехватывает горло:

– А если это твой ребенок, что тогда? Что ты сделаешь?

Взгляд Вадима затухает, превращаясь в бездонное болото. Меня пробирает озноб и начинает трясти.

– Тогда я сделаю все, чтобы ты не родила его.

– Уходи, Вадим, – посмотрела на него строго. – И лучше бы тебе от меня держаться подальше. Я не хочу слушать твои бредни, – передергиваю плечами, предпринимаю попытку отстраниться, – я тебе уже сказала, что ребенок не твой. Будешь приставать и угрожать мне – тебе же будет хуже.

Пальцы Вадима с силой впились мне в кожу. Сцепляю зубы. Терпеливо жду, с упрямством выдерживаю его взгляд.

– Точно ребенок не мой?! – сужая глаза, спрашивает с подозрением.

– Уходи. Я устала от тебя. И от твоих угроз. Я не знаю, за что ты так взъелся на меня. За что ненавидишь меня настолько сильно, что готов убить своего же ребенка...

– ... я не хочу, чтобы моего ребенка вынашивала такая грязная девка, как ты. Какие гены может гуляющая мать дать ребенку?

Кипучая ярость обожгла мне сердце, а ладонь загорелась огнем от удара.

Все произошло молниеносно. Сжимаю зубы. Скалюсь.

Глаза же Вадима горят злобой, на щеке проступает красный след от моей ладони.

– Пошел вон, – цежу.

– Стерва, как ты посмела...

– Я сказала. Пошел вон, – выворачиваясь из его захвата, отскакиваю вглубь кухни.

Меня колотит от гнева и обиды. Во мне будто вулкан проснулся и вот-вот готов взорваться. Я не контролирую себя.

Муж стоит в проеме, занимая собой всё пространство. Большой. Страшный. Я точно знаю, что физически я с ним не справлюсь. Мозги начинаю активно работать. Искать пути отступления. Я боюсь того, что если Вадим не уйдет, то произойдет что-то непоправимое.

– А знаешь что, я уйду. Да, уйду. Я не урод, как ты обо мне думаешь. Я не буду трогать тебя. Пачкаться не буду. Вот только знай, если ребенок окажется все-таки моим...

– Уходи! – взревела нечеловеческим голосом, от которого уши заложило, зазвенело во всем теле.

Вадим перекосялся в лице.

– Как же я рад, что твое нутро в конце-концов вылезло наружу. До сих пор не верится что я был слеп, раз не замечал в тебе все то дерьмо, которое сейчас лезет из тебя. Я ухожу. Барахтайся в этом шлаке одна.

Муж резко разворачивается и уходит, оставляя меня в полном потрясении. В первые секунды я даже не могла пошевелиться. Чувствую как мое тело, словно в невесомости, поднимается вверх и вдруг резко падает вниз. Сердце поднимается к горлу, а потом уходит в пятки. Шумно дышу.

Реакция приходит с запозданием в тот момент, когда слышу громкий хлопок двери.

Вздрагиваю. Очнулась.

– Сво-о-олочь! – закричала, схватила кружку с кипятком и запустила ее вслед мужу.

– Урод! Чтоб тебе пусто было!

Накрыв лицо ладонями, с ожесточением его потерла.

Ублюдок! Самый настоящий подонок! Ненавижу!

– Ненавижу, – пробормотала под нос.

Мне вдруг стало нехорошо. Голова закружилась и я, сделав шаг к столу, уперлась ладонями в столешницу, нависла над ней. Зажмурила глаза.

– Я обещаю, Вадим, – облизываю пересохшие губы, – ты пожалеешь о своем поступке.

Глава 8

Зашла в салон, стряхивая с капюшона и плеч снег.

Меня встречает такая привычная и почему-то сегодня такая раздражающая трель ветерка, что, подняв руку, сжимаю ее в кулак, останавливая перезвон.

Мне навстречу тут же выходит Марина:

– Ну как? Все получилось?

Вместо приветствия – вопрос.

– Да, – бросаю коротко и прохожу в кабинет.

Я все еще под впечатлением от насыщенного утра.

Сбросив куртку с плеч, вешаю ее у входа.

– Бесит все это. Понимаешь, такое ощущение, Марин, что все против меня, – круто развернувшись на пятках, бросаю с раздражением, глядя на Марину.

Девушка, сложив руки на груди, окидывает меня непонимающим взглядом.

– Ну, ты не преувеличивай, Ась. Мне кажется, ты нагнетаешь. Что случилось?

Перед тем, как поехать в ЗАГС, я предупредила Марину, что задержусь ненадолго, а в итоге появилась на работе только к обеду...

– ...мне кажется, проклятия Алисы начинают действовать, – жалуюсь, – ну надо же именно у меня перед носом регистратор захлопнула дверь с заявлением, что на сегодня по живой очереди прием завершен. Боже. Это просто кошмар! – моему возмущению нет предела. Все в груди горит от разочарования. Я так хотела уже сегодня же закончить с этим. Мне кажется, как только я подам документы на развод, все встанет на свои места и я смогу наконец-то отделаться от нападок Вадима.

– И что теперь? – Марина упирается плечом в дверной косяк.

– Теперь... – поджимаю губы, – посоветовали записаться через “Госуслуги”. Черт! И надо же было так лохануться?!

С силой впечатала кулак в глянцевую поверхность стола:

– Ой, блин, больно, – тут же перехватила ее пальцами.

А потому до нашего слуха долетела трель “ветерка” и спустя мгновение на пороге появился Марат Вениаминович собственной персоной.

– Девочки, доброго дня! Что за шум, а драки нет?

Мы, переглянувшись с Мариной, напряглись. Неужели до него уже дошли слухи?

– Здравствуйте, Марат Вениаминович, – вспыхнула Марина и поспешила ретироваться, сославшись на то, что к ней с минуты на минуты придет клиентка.

– Здравствуйте, – поспешила к боссу навстречу. – Вы за отчетом? Простите, Марат Вениаминович, я не успела его подготовить. Но мне много времени не понадобится... Дайте мне день и все будет готово...

– Ася, – перебивает меня босс, проходит вглубь кабинета и занимает место Светланы Петровны. – Присядь. Мне нужно поговорить с тобой.

Я открываю рот. Потом закрываю. Что-то хочу сказать. Но по тому, как серьезно смотрит в мою сторону босс, понимаю, что лучше помолчать, сесть и выслушать его.

Присев на краешек стула, расправив плечи, я сложила лодочкой руки между колен, внимательно посмотрела на босса.

– Во-первых, хочу поздравить. Первое место – всегда приятно.

– Спасибо, – смущение заливает щеки.

– Так. С этим разобрались. Теперь перейдем к делу. Как я понимаю, все уже в курсе, что Светлана Петровна у нас больше не работает...

– Но... – хотела добавить, что мы не знали. Думали, что начальница уехала на время.

– Нет никаких “но”. Светлана Петровна у нас больше не работает, – повторяет холодно.
– Поэтому ей нужна замена, – босс смотрит на меня пристально, сведя густые брови. – Думаю, на ее место ты подойдешь прекрасно. Тем более, тебе уже приходилось ее заменять.

– Но... может все-таки спросить у девочек?! – начала нерешительно.

– Никаких “но”. Я принял решение. Либо ты, либо будем искать новую управляющую, – в голосе босса зазвучали металлические нотки. – Понимаю, что совмещать семью и работу будет сложно, но в каждой работе бывают издержки. Да, и как я помню, у вас с Вадиком ипотека, думаю муж будет только за. Зарплата будет достойная. Не обижу...

Я сглотнула густой комок в горле.

– Я... мы... – заикаюсь, слова как-то сразу застряли в горле, с языка не содрать.

– Ась, если есть какие-то пожелания, можем рассмотреть. Просто, понимаешь, я уже с вами много лет. Вы для меня, как родные. Ни разу не подвели. Есть доверие.

– Да нет, Марат Вениаминович, дело не в этом... Можно мне подумать до вечера? Понимаете, мы с Вадиком разводимся, – проскрипела в ответ, отводя взгляд.

В кабинете повисло молчание.

Я чувствовала, на себе удивленный взгляд босса, под которым мне было крайне неудобно. Но посмотреть в глаза ему не решалась. Нетерпеливо заерзала на стуле.

– Так тем более, – босс неожиданно шлепнул ладонями по столу, поднялся. – Развод — это дело не хлопотное. Детей у вас нет. Разведут без проблем. А чтобы не унывать, отвлечешься на работу.

Босс подходит ко мне, встает сзади, кладет руки на плечи. Склоняется почти к самому уху:

– Ну, договорились? – от его низкого баса мурашки ползут по позвоночнику холодным ручейком.

Мне сейчас показалось, что мужчина как будто ко мне подкатывает, нет?

Резко оборачиваюсь, но Марат Вениаминович уже отступил на приличное расстояние.

Стук в дверь привлекает наше внимание.

– Извините, – заглядывает Марина. – Ася, кхе, там тебя спрашивают.

– Кто? – удивляюсь. – У меня сегодня две клиентки и они после обеда, – вспоминаю вчерашние звонки.

– Нет, Ась. Иди сюда, – Марина загадочно улыбается.

Марат Вениаминович удивленно вскидывает брови.

– Ладно, девочки. Вижу у вас тут какие-то свои секреты. Пожалуй, мне пора.

– Ася, от тебя жду решения до вечера. Надеюсь, прежде чем ответить, ты хорошо подумаешь.

– Да, хорошо, Марат Вениаминович, я вам обязательно позвоню, – отвечаю и мы вместе выходим в зал.

Марат Вениаминович тут же присвистывает, а я от удивления застываю на месте.

– Здравствуйте, Ася – это вы?!

Обращается ко мне курьер, держа перед собой планшет с чеком, а на полу стоит огромная корзина цветов.

– Видимо, муж крепко облажался, раз так извиняется, – хмыкнул босс. – Ася, послушай опытного волка. Не сдавайся так быстро. Пусть пострадает.

Марат Вениаминович покидает салон, а я, расписавшись за доставку, присаживаюсь на край кресла.

– Ты думаешь это и правда от Вадима? – Марина удивленно смотрит то на меня, то на огромный букет, стоимость которого, как мне кажется, точно половина платежа нашей ипотеки.

– Не думаю, что это Вадим. После того, что он мне наговорил с утра, увидеть от него букет было бы очень странным.

Я осторожно поворачиваю корзину, надеясь найти там карточку. И, о чудо, она есть. Ныряю в самую сердцевину букета. Достаю.

Чувствую, как сердце в груди замедляет бег, как Марина не спускает с меня заинтересованного взгляда. Смотрит с любопытством.

Раскрываю верхний краешек карточки, а там: “Хорошего дня, храбрый Мышонок.”

– Что это за мышонок? – раздается прямо над моей головой удивленный голос Марины.

Я неуклюже засовываю карточку обратно в букет. Порывисто встаю:

– Извини, Марин, мне нужно поработать, – подцепляю корзину и скрываюсь за хлипкой дверью кабинета. Сердце в груди трепещет, будто пойманная птичка в силочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.